БАРОНЪ С. А. ТОРНАУ

СЪ РОДНЫМЪ ПОЛКОМЪ

(1914—1917 гг.)

БЕРЛИНЪ
1923

СЪ РОДНЫМЪ ПОЛКОМЪ

(1914—1917 гг.)

БАРОНЪ С. А. ТОРНАУ.

Памяти моихъ дорогихъ товарищей, геройской смертью запечатлѣвшихъ свою преданность долгу и павшихъ на полѣ чести, во славу своего Монарха и за счастье своей Великой Родины, я посвящаю эти строки.

ОТЪ АВТОРА.

Событія, изложенныя въ этой книгѣ, написаны мною исключительно по памяти, такъ какъ всѣ матеріалы и документы, которыми я могъ бы воспользоваться при составленіи этого очерка, остались въ Россіи. Въ виду этого, прошу снисхожденія у читателя за могущія встрѣтиться въ текстѣ незначительныя неточности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

По установившемуся съ давнихъ поръ обычаю, въ первыхъ числахъ мая этого памятнаго 1914 года, полки Петербургскаго гарнизона выступили, для отбыванія лагернаго сбора подъ Краснымъ Селомъ. Съ марта мѣсяца я состоялъ въ должности начальника пулеметной команды полка. Въ серединѣ іюня пришло распоряженіе отправить всѣ пулеметныя команды войскъ гвардіи на пулеметный сборъ, происходившій въ окрестности города Луги. Сборъ былъ законченъ нѣсколько ранѣе намѣченнаго срока, такъ какъ, по случаю пріѣзда въ Россію Президента Французской Республики Пуанкарэ, былъ назначенъ въ Красномъ Селѣ парадъ въ Высочайшемъ присутствіи, на которомъ должны были принять участіе и пулеметныя команды.

Въ день возвращенія команды со сбора, происходила репетиція парада, а на слѣдующій день состоялся и самъ парадъ. Громадное количество войскъ было собрано въ этотъ день на военномъ полѣ. Государь верхомъ объѣзжалъ войска. Пуанкарэ съ Императрицей, въ коляскѣ, сопровождалъ Государя. Войска, проходившіе, послѣ объѣзда церемоніальнымъ маршемъ, въ образцовомъ порядкѣ, сплошными массами, должны были дать Пуанкарэ ясное понятіе о мощи Русской Арміи.

Не успѣлъ закончиться парадъ, какъ въ Петербургѣ начались крупные безпорядки и забастовки среди рабо-

чихъ. Какое-то неопредѣленное чувство ожиданія, какихъ-то надвигающихся грозныхъ событій, нависло въ воздухѣ. Роковой выстрѣлъ въ далекомъ Сараевѣ, убившій наслѣдника Австрійскаго Престола, глухимъ эхомъ докатился до насъ и еще болѣе усилилъ это чувство. Австрійская ультимативная нота Сербіи возбудила сразу много разговоровъ. Въ возможность войны никто не вѣрилъ, но, въ то же время, офицеры сознавали, что Россія не сможетъ оставаться пассивной зрительницей, въ случаѣ войны Австріи съ Сербіей. Пуанкарэ, тѣмъ временемъ, покинулъ Россію и, какъ разъ во время, успѣлъ проѣхать германскія воды. Въ приподнято - нервномъ настроеіни прошли эти нѣсколько дней, послѣ вышеописаннаго парада, какъ неожиданно пришелъ приказъ полку немедленно выступить изъ Краснаго Села и двинуться на Петербургъ. Не весело было на душѣ у офицеровъ и солдатъ во время этого перехода. Несеніе полицейской службы и охраны на заводахъ не имѣли въ себѣ ничего привлекательнаго. При прохожденіи Путиловскаго завода, рабочіе, въ большомъ количествѣ, высыпали на улицу, смотрѣть на прохожденіе полка. Хмурыя лица ихъ и недоброжелательные взгляды, которые они бросали на солдатъ, напоминали картины, еще не позабытаго, 1905 года.

Такъ какъ моя квартира была пустая, и даже прислуга находилась въ отъѣздѣ, я рѣшилъ, въ виду серьезности положенія, быть ближе къ району казармъ, и поселился на квартирѣ моего товарища Моллера, имѣвшаго казенную квартиру въ Таврическихъ казармахъ. Событія между тѣмъ шли съ невѣроятной быстротой. Каждый день приносилъ что-либо новое. Какъ только сталъ извѣстенъ отвѣтъ Сербіи на австрійскій ультима-

тумъ, и когда первые выстрѣлы войны раздались на Дунаѣ, мы почувствовали, что война неизбѣжна. Манифестаціи сочувствія геройскому маленькому сербскому народу и его престарѣлому Королю безпрерывно продолжались въ теченіи всего дня. Вечеромъ, 18-го іюля по старому стилю, Моллеръ и я вернувшись съ очередной манифестаціи, стали раздѣваться и укладываться спать, дѣлясь своими впечатлѣніями о текущихъ событіяхъ, когда рѣзкій звонокъ телефона прервалъ нашъ разговоръ. Звонили изъ полковой канцеляріи и требовали немедленнаго прибытія офицеровъ въ собраніе на Милліонной.

Молча взглянули мы другъ на друга и безъ словъ поняли, что то, чего мы ожидали всѣ эти дни, свершилось. Быстро одѣвшись, мы помчались на извозчикѣ на Милліонную, гдѣ застали въ сборѣ почти всѣхъ офицеровъ. Когда всѣ офицеры были на лицо, командующій полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ графъ Игнатьевъ прочелъ телеграмму, полученную изъ штаба дивизій о томъ, что первымъ часомъ мобилизаціи считать одну минуту перваго въ ночь на 19 іюля, и тутъ же на словахъ добавилъ, что хотя война еще не объявлена, надобно быть готовымъ ко всему. Мы всѣ были такъ подготовлены къ этой мысли, что даже приказъ о мобилизаціи не произвелъ большого впечатлѣнія. Полковой адъютантъ, поручикъ Зуевъ, тѣмъ временемъ, принесъ изъ канцеляріи хранившіеся подъ особымъ замкомъ, мобилизаціонные пакеты, и роздалъ ихъ офицерамъ. Настроеніе всѣхъ стало сразу дѣловито-серьезнымъ. Всѣ поняли, что наступила минута, когда каждый офицеръ былъ призванъ исполнить свой долгъ передъ Родиной и показать себя съ наилучшей стороны.

Когда мы съ Моллеромъ возвращались обратно въ Таврическія казармы, то вѣсть о мобилизаціи, повидимому, стала извѣстной уже по всему городу, ибо оживленныя, возбужденныя толпы народу ходили по улицамъ и кричали ура при видѣ офицеровъ. Нашъ извозчикъ попалъ въ такую толпу на углу Набережной и Гагаринской улицы, и, несмотря на всѣ усилія, не могъ подвинуться впередъ. Когда я всталъ на подножку и, обратившись къ толпѣ, просилъ разступиться и насъ пропустить, такъ какъ мы ѣхали по дѣлу, двое штатскихъ тотчасъ же взяли подъ уздцы лошадь и повели насъ черезъ всю толпу при громкихъ крикахъ ура со стороны всѣхъ остальныхъ. По пріѣздѣ въ казармы, я немедленно вызвалъ фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ команды и передалъ имъ приказъ о мобилизаціи. Былъ уже первый часъ ночи и мобилизація фактически уже началась. Вся мобилизація, согласно плану, должна была занять тринадцать дней. Эти тринадцать дней прошли въ какой-то лихорадочной дѣятельности. Полкъ кипѣлъ работой, какъ встревоженный муравейникъ. Начиная со второго или третьяго дня, дворы казармъ наполнились партіями запасныхъ, пришедшихъ на укомплектованіе полка. Моя пулеметная команда, послѣ первыхъ же дней мобилизаціи, была укомплектована до штатовъ военнаго времени. Лошадей мы получили съ пріемнаго пункта, расположеннаго вблизи нашихъ казармъ. Среди лошадей, попавшихъ въ команду, было штукъ 7 рысистыхъ жеребцовъ. Жалко было, впослѣдствіи, смотрѣть на этихъ несчастныхъ животныхъ, которыя покрытыя пѣной, выбивались изъ силъ, чтобы тащить какую-нибудь двуколку, въ сущности очень легкую, но къ которой они не привыкли. Работа по мобилизаціи про-

текала вполнѣ успѣшно, офицеры и солдаты, сознавая всю важность совершаемаго дѣла, относились къ своимъ обязанностямъ съ необычайнымъ рвеніемъ. Часто наша работа прерывалась манифестаціями толпы, останавливавшейся противъ казармъ съ пѣніемъ гимна и криками ура въ нашу честь. Въ рукахъ у толпы были трехцвѣтные флаги и портреты Государя. Офицеры подходили къ окнамъ и отвѣчали на привѣтствіе толпы. «Ура, Преображенцы», раздавалось при появленіи офицеровъ и мы, стоя у окна, отдавали честь, пока толпа не проходила дальше. Война, тѣмъ временемъ, была уже объявлена, и выстрѣлы гремѣли не на далекомъ Дунаѣ, а на нашей западной границѣ.

За нѣсколько дней до выступленія въ походъ, офицеры Петербургскаго гарнизона собрались въ Зимнемъ Дворцѣ, и въ присутствіи Государя и всей Царской Семьи, придворнымъ протодьякономъ былъ прочитанъ Высочайшій манифестъ объ объявленіи Россіей войны Германіи и Австріи. «Не положу оружія, доколѣ единый непріятельскій солдатъ останется на землѣ Нашей», такими словами заканчивался Манифестъ, и кто могъ тогда думать, что эти знаменательныя слова, сказанныя еще Императоромъ Александромъ I въ день перехода Наполеономъ Нѣмана, окажутся лишь красиво звучащей фразой. Въ эту минуту никто не сомнѣвался въ побѣдѣ, и когда Государь, по окончаніи чтенія Манифеста обратился съ краткимъ словомъ къ собравшимся офицерамъ и сказалъ: «Въ Вашемъ лицѣ, столь дорогія сердцу Моему войска Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, Я благословляю всю Русскую Армію», вся зала встала на колѣни, чтобы получить благословеніе своего Верховнаго Вождя. При об-

ратномъ прохожденіи Государя во внутреннія покои, громовое ура офицеровъ раздалось Ему въ слѣдъ. Императрица и Великія Княгини шли съ глазами, полными слезъ. Большинство дамъ, пришедшихъ на этотъ историческій молебенъ, утирали себѣ глаза платками. Всѣ были растроганы до глубины души. Провожавшій Государя Великій Князь Николай Николаевичъ, у дверей зала перекрестился широкимъ крестомъ и сказалъ, обратясь къ офицерамъ: «Съ Богомъ».

Десятки тысячъ народа, запрудившіе площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ, при появленіи Государя на балконѣ, какъ по командѣ, опустились на колѣни. Единеніе Царя со своимъ народомъ было полное. Если когда-либо проявлялась любовь народа къ своему Монарху, то за все, свыше двадцатилѣтнее царствованіе Императора Николая II, не было болѣе искренняго проявленія этой любви, какъ въ этотъ день объявленія войны. Многіе впослѣдствіи говорили, что надобно было использовать это настроеніе народа, чтобы укрѣпить его симпатіи къ Престолу и придать Державѣ Россійской больше блеску, дарованіемъ конституціи. Кто знаетъ, лучше это было бы или нѣтъ? Могла ли эта, столь жданная нѣкоторыми, конституція, предохранить Престолъ и Россію отъ той надвинувшейся на нее катастрофы, которая разразилась три года спустя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Накануне дня выступленія въ походъ, на площади передъ полковымъ сборомъ былъ отслуженъ молебенъ. Четырехтысячная масса полка заняла всю площадь. Проводить полкъ и проститься съ нимъ пріѣхали Великія Княгини Марія Павловна Старшая, Викторія Федоровна и Елена Владиміровна съ лицами свиты, а также родные и знакомые чиновъ полка. Молебенъ носилъ очень торжественный и умилительный характеръ. Никто не могъ себѣ еще представить всего ужаса той бойни, которая продолжалась столько лѣтъ и которая унесла такое количество близкихъ и дорогихъ лицъ. Многіе думали, что война продолжится всего нѣсколько мѣсяцевъ и что къ Рождеству Гвардія вернется обратно въ Петербургъ, и, конечно, съ побѣдой, поэтому прощались не на долго. Силу Германіи всѣ безъ исключенія преуменьшали, считали, что Россія, Англія и Франція принудятъ Германію черезъ три-четыре мѣсяца къ миру.

По окончаніи молебна полкъ перестроился въ взводную колонну и разошелся по казармамъ. Врядъ ли можно было видѣть болѣе внушительную картину, чѣмъ этотъ отборный полкъ, съ его громадными солдатами, стройными рядами расходившимися по площади.

Утромъ 1-го августа я заѣхалъ на Сергіевскую проститься съ матерью. Изъ всѣхъ разставаній, это было самое тяжелое.

Днемъ мой эшелонъ былъ погруженъ на запасныхъ путяхъ Варшавской жел. дор. Въ составъ эшелона входили штабъ полка, команда связи, часть обоза и пулеметная команда. На послѣдніе проводы пришло еще много знакомыхъ. Наконецъ, прозвучалъ сигналъ къ посадкѣ въ вагоны и раздались послѣднія прощанія и благословенія.

Подъ торжественные звуки полкового марша эшелонъ нашъ тихо отошелъ отъ Петербурга въ полное неизвѣстности будущее. Не доѣзжая Вильны, случилось первое происшествіе. Глубокой ночью, около станціи Игналино, я былъ разбуженъ очень сильнымъ толчкомъ. Со всѣхъ полокъ вещи попадали на полъ и на меня. Снаружи доносились крики и какіе-то люди съ фонарями пробѣгали мимо. Сообразивъ, что случилось что-то необыкновенное, Моллеръ, ѣхавшій со мной въ одномъ купэ, и я, быстро одѣвшись, выбѣжали на полотно. Поѣздъ стоялъ, и изъ всѣхъ вагоновъ высыпали разбуженные толчкомъ солдаты. Съ хвоста поѣзда слышно было наибольшее оживленіе. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ко мнѣ подошелъ изъ темноты дежурный по командѣ и доложилъ, что сзади шедшій поѣздъ наскочилъ на хвостъ нашего, что три послѣднихъ вагона нашего состава разбиты, и что имѣются раненые люди и убитыя лошади. До самаго утра мы были заняты расчисткой пути и оказаніемъ помощи раненымъ. Къ счастью, все обошлось сравнительно благополучно. Двѣ лошади были убиты и двѣ тяжело ранены; семь человѣкъ моихъ солдатъ получили бо-

лѣе или менѣе серьезныя пораненія. Виноватъ былъ машинистъ наскочившаго на насъ поѣзда, и его, страшно блѣднаго и взволнованнаго, подъ конвоемъ солдатъ, отправили къ ближайшему воинскому коменданту.

Раннимъ утромъ, сдавъ въ станціонную больницу трехъ наиболѣе тяжело раненыхъ солдатъ, эшелонъ двинулся дальше. Въ Вильнѣ насъ встрѣтилъ губернаторъ Веревкинъ, бывшій нашъ офицеръ, и распорядился отправить прочихъ легко раненыхъ въ лучшій Виленскій лазаретъ. Послѣ этого печальнаго происшествія, эшелонъ благополучно проѣхалъ Варшаву и выгрузился въ Новогеоргіевскѣ. На берегу рѣки, у деревни Помехувекъ, полкъ расположился бивуакомъ въ лѣсу. Было пятое августа, канунъ нашего полкового праздника, и вечеромъ была отслужена торжественная всеношная. На большомъ возвышеніи посреди маленькой поляны, стоялъ аналой и передъ аналоемъ старинные образа, въ теченіи двухъ вѣковъ сопровождавшіе полкъ въ его походахъ. Кругомъ поляны высились громадныя деревья. Въ самомъ великолѣпномъ храмѣ трудно было получить болѣе молитвенное настроеніе, чѣмъ въ этомъ прекрасномъ лѣсу, и рѣдко приходилось видѣть, чтобы офицеры и солдаты такъ искренне молились, какъ на этой, исторической для полка всеношной. На слѣдующій день въ полкъ пріѣхалъ командиръ гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Безобразовъ, поздравить полкъ съ его роднымъ праздникомъ. Недолго полкъ простоялъ въ Помехувкѣ и вскорѣ былъ полученъ приказъ идти походнымъ порядкомъ въ Варшаву. Въ предмѣстьи Варшавы Повонзкѣ полкъ пробылъ до 16 августа.

Въ одинъ изъ дней нашего пребыванія въ Повонзкѣ,

случилось происшествіе, едва не повлекшее за собой большихъ послѣдствій, но, благодаря героизму солдатъ и распорядительности офицеровъ, несчастье было отвращено. Отъ неизвѣстной причины загорѣлись деревянные бараки вблизи артиллерійскихъ складовъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, усиліями всего полка, горящіе бараки были изолированы и пожаръ былъ локализированъ. Тамъ же въ Повонзкѣ были получены свѣдѣнія о большихъ потеряхъ, понесенныхъ гвардейской кавалеріей 6 августа, въ бою подъ Каушеномъ, въ Восточной Пруссіи. Въ православномъ соборѣ въ Варшавѣ была отслужена панихида по всѣмъ убитымъ въ этотъ знаменательный для гвардейской кавалеріи день. Среди нашихъ офицеровъ появилось нетерпѣніе поскорѣй двинуться въ бой. Считали, что насъ какъ гвардію берегутъ и что война можетъ скоро закончиться, даже безъ нашего участія. Шутя говорили, что необходимо пустить полкъ хоть въ одинъ маленькій бой на подобіе Ташкисена. Ташкисенъ былъ единственнымъ, маломальски крупнымъ боемъ полка за весь періодъ турецкой войны 1877—1878 г.г. и въ которомъ полкъ понесъ небольшія потери. Никому въ голову не приходила мысль о томъ, какіе кровавые сюрпризы насъ ожидаютъ впереди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

16 августа пришелъ давно жданный приказъ грузиться и отправиться въ неизвѣстномъ направленіи. Бодро и молодцевато полкъ проходилъ по улицамъ Варшавы, направляясь къ вокзалу. Населеніе Польской столицы всячески старалось выказать намъ свое вниманіе. Со дня опубликованія историческаго воззванія Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича къ Польскому народу, отношеніе поляковъ къ намъ рѣзко измѣнилось къ лучшему. На улицахъ Варшавы офицеровъ всегда провожали привѣтливыми взглядами и, помню, какъ однажды я, остановившись на углу Краковскаго Предмѣстья и какой-то улицы, въ нерѣшительности куда повернуть, былъ немедленно окруженъ нѣсколькими прохожими, въ крайне любезной формѣ спрашивавшими, что пану офицеру нужно. Прохожденіе полка было похоже на тріумфальное шествіе. Толпы народа останавливались на улицѣ, а женщины бросали въ ряды полка цвѣты. Съ вѣрою и надеждою, что гвардія отстоитъ красавицу-Варшаву отъ непріятеля, поляки смотрѣли на насъ. На долю моихъ пулеметовъ пришлось также не мало букетовъ, и легко и весело стало на душѣ, видя такое сердечное отношеніе населенія. Погрузка прошла гладко и безъ помѣхъ, и

только отъѣхавъ отъ Варшавы, мы узнали, что цѣлью нашего движенія является г. Люблинъ, къ которому отходили наши уставшія и порѣдѣвшія части арміи барона Зальца, преслѣдуемыя по пятамъ численно превосходившими ихъ арміями австрійскаго Эрцгерцога Фридриха. Не доѣзжая Люблина, не помню сейчасъ названія станціи, эшелонъ, въ которомъ слѣдовала пулеметная команда, внезапно получилъ распоряженіе выгружаться. Распоряженіе было дано комендантомъ станціи. Около станціи стояли лазареты Краснаго Креста и артиллерійскіе парки. Похоже было, что гдѣ-то неподалеку шелъ бой, и мы приближались къ району военныхъ дѣйствій. Командиръ полка, слѣдовавшій съ нами, приказавъ эшелону исполнить распоряженіе о выгрузкѣ, самъ отправился провѣрить по аппарату его правильность. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился къ эшелону и объявилъ, что распоряженіе неправильно, что приказано полку двигаться дальше на Люблинъ, и чтобъ мы снова грузились въ вагоны. Съ невѣроятной отчетливостью и быстротой была выполнена эта вторичная погрузка. Съ момента отдачи перваго приказа до заведенія послѣдней лошади обратно въ вагоны прошло всего тридцать двѣ минуты, и командиръ полка тутъ же благодарилъ команду за лихую и молодецкую службу.

Раннимъ утромъ эшелонъ подошелъ къ Люблину. Вокзалъ былъ переполненъ ранеными, шедшими съ позиціи, которыя находились неподалеку. На полѣ, вблизи отъ вокзала команда встала бивуакомъ, ожидая подхода остальныхъ частей полка. Когда весь полкъ былъ въ сборѣ, пришло распоряженіе немедленно двигаться дальше въ южномъ направленіи. По пути слѣдованія

встрѣчались намъ, шедшіе одиночнымъ порядкомъ, легко раненые солдаты, преимущественно въ руку или ногу. Солдаты эти принадлежали къ частямъ гренадерскаго корпуса, и на жадные разспросы нашихъ солдатъ о положеніи на фронтѣ, отвѣчали очень пессимистически. Часто приходилось слышать отъ нихъ фразы: «что его валитъ видимо-невидимо и что они уже много дней отступаютъ, такъ какъ нѣтъ возможности держаться». Впослѣдствіи, на опытѣ, мы убѣдились, что къ показаніямъ раненыхъ нужно относиться критически, такъ какъ они отличаются большей частью пессимизмомъ.

Послѣ довольно длиннаго перехода, командиръ полка остановилъ полкъ около небольшого лѣса и приказалъ расположиться тамъ на отдыхъ впредь до новыхъ распоряженій.

Въ лѣсу мы простояли до 19 числа вечеромъ. Подъ вечеръ впервые были замѣчены далеко впереди, высокіе облачка красноватаго дыма, которые оказались ничѣмъ инымъ, какъ разрывами австрійскихъ шрапнелей. Близость фронта невольно давала себя знать, и всѣ чувствовали, что наша очередь близка и тотъ Ташкисенъ, о которомъ мы съ такой усмѣшкой вспоминали, не такъ далекъ. Часовъ около 6-ти вечера къ опушкѣ лѣса подъѣхалъ казакъ и передалъ командиру пакетъ. Пакетъ былъ изъ штаба дивизіи и содержалъ приказъ о немедленнюмъ выступленіи къ самой боевой линіи. Наспѣхъ былъ розданъ ужинъ людямъ, палатки были убраны и черезъ нѣкоторое время узкой сѣрой лентой полкъ вытягивался походной командой. Люди шли бодро и весело. Всюду въ ротахъ гремѣли лихія русскія пѣсни. Шли подрядъ нѣсколько часовъ и съ темнотой вступили въ какую-то деревню. Отдано было распоря-

женіе составить ружья въ козлы и тутъ же на землѣ вокругъ козелъ отдохнуть.

Командиръ полка направился въ одну изъ наиболѣе чистыхъ съ виду хатъ и потребовалъ туда старшихъ офицеровъ и начальниковъ командъ. Когда всѣ вызванные офицеры собрались, командиръ развернулъ на столѣ карту и прочелъ, только что полученную изъ штаба диспозицію на завтрашній день. Судя по диспозиціи, положеніе было очень тяжелое. Гренадерскій корпусъ, ослабленный безпрерывными боями, представлялъ изъ себя ничтожную боевую силу, и отходилъ на сѣверъ. Стратегически важная линія Люблинъ — Холмъ находилась подъ непосредственнымъ ударомъ противника, и непріятельская артиллерія уже обстрѣливала станцію Травники. Петровской бригадѣ приказано было возстановить положеніе. Въ эту бригаду входили Преображенскій и Семеновскій полки со своей артиллеріей, и называлась она Петровской въ честь своего основателя Петра Великаго. Прочія части Первой Гвардейской дивизіи находились еще въ пути, и принять участіе въ бою не могли. Томительно долго тянулись оставшіеся до разсвѣта часы. Большинство солдатъ, утомленные переходомъ, спали на голой землѣ. Лошади съ опущенными подпругами частью стояли, понуривъ головы, частью жевали положенное передъ ними сѣно. Офицеры обсуждали группами данную полку задачу и находились въ радостно-приподнятомъ настроеніи. Темная осенняя ночь и мелкій накрапывающій дождикъ сильно напоминали почему-то красносельскіе маневры мирнаго времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чуть на востокѣ появились свѣтлыя тѣни, баталіоны стали расходиться въ назначенныя имъ мѣста.

Согласно распоряженію командира полка, при каждомъ изъ баталіоновъ было придано по пулеметному взводу. Въ боевую часть пошли первый, второй и четвертый баталіоны. Третій баталіонъ развернулся нѣсколько позднѣе.

Когда окончательно разсвѣло, штабъ полка покинулъ деревню и продвинулся впередъ. На скатѣ, обращенномъ въ сторону противника, графъ Игнатьевъ остановился и приказалъ проводить телефонную связь къ ушедшимъ въ боевую линію баталіонамъ.

Я, по должности начальника пулеметной команды, находился при командирѣ полка. Пологій скатъ, на которомъ мы расположились, спускался въ лощину, по дну которой была расположена деревня Владиславовъ. По скату мѣстами были вырыты небольшіе окопы, занятые солдатами гренадерскаго корпуса. Сзади находилась роща, наполненная лазаретами и обозами этого же корпуса. По направленію къ Владиславову спускались цѣпи нашихъ перваго и второго баталіоновъ. Четвертый баталіонъ разворачивался правѣе. Лѣвѣй полка

наступали части лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Далеко впереди нашихъ наступающихъ частей, шли полковые развѣдчики, подъ командой поручика Элліота, и болтались небольшіе разъѣзды, высланные отъ полковой команды конныхъ развѣдчиковъ.

Со стороны непріятеля все было тихо, и еще ни одинъ выстрѣлъ не нарушалъ покоя дивнаго августовскаго утра. Судя по характеру операцій, бой долженъ былъ быть встрѣчнымъ, и задача, данная нашей гвардейской бригадѣ, заключалась въ томъ, чтобъ энергичной атакой въ лобъ остановить продвиженіе впередъ частей X-го австрійскаго корпуса.

Вскорѣ, однакожъ, со стороны Владиславова, послышалась ружейная и пулеметная стрѣльба. Однимъ изъ первыхъ было получено донесеніе, что наши развѣдчики наткнулись на окопы, занятые противникомъ, и что сраженный пулей, палъ поручикъ Элліотъ. Первая кровавая жертва богу войны была принесена полкомъ. Молча снявъ фуражки, мы перекрестились.

Тѣмъ временемъ, стрѣльба въ лощинѣ усилилась и скоро непріятельская артиллерія открыла огонь по нашимъ наступающимъ цѣпямъ. Конные развѣдчики, окончивъ свою задачу, возвратились назадъ, и тутъ я съ грустью узналъ, что мой братъ сильно контуженъ разорвавшимся снарядомъ въ правый глазъ. Несмотря на контузію, онъ до конца боя оставался при командѣ, и только поздно вечеромъ отправился на перевязочный пунктъ, откуда былъ эвакуированъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петроградъ. Бой разгорѣлся по всему фронту и въ бинокль ясно были видны шедшіе на встрѣчу нашимъ цѣпи противника.

Солнце близилось къ полудню, когда графъ Игнатьевъ, получивъ какое-то донесеніе, обратился ко мнѣ съ приказомъ, немедленно взявъ четыре пулемета, занять позицію на скатѣ, уступомъ за лѣвымъ флангомъ полкового боевого участка, для обезпеченія его отъ обхода противникомъ. Въ виду того, что три взвода уже находились въ боевой линіи при своихъ баталіонахъ, мнѣ удалось взять лишь третій взводъ подъ командой старшаго унтеръ-офицера Ивана Крупа, лихого и разбитного хохла. Какъ только взводъ подошелъ, я повелъ его, по мѣрѣ возможности, скрытно на указанное командиромъ полка мѣсто.

На небольшомъ картофельномъ полѣ, полого спускающемся къ лощинѣ, съ котораго былъ прекрасный обстрѣлъ, я приказалъ остановиться и установить пулеметы для стрѣльбы. Пока устанавливали пулеметы, я принялся разглядывать впереди лежащую мѣстность. Владиславовъ, зажженный непріятельской артиллеріей, пылалъ со всѣхъ концовъ. На противоположномъ скатѣ въ ростъ подымались какія-то цѣпи, въ которыхъ я скоро безъ труда узналъ нашъ первый баталіонъ. Прямо противъ меня находилась небольшая балка и, взглянувъ туда, я замѣтилъ небольшія партіи людей, быстро сбѣгавшія внизъ въ балку. Приглядѣвшись внимательнѣй, уже безъ особаго труда я различилъ невооруженнымъ глазомъ голубые мундиры австрійцевъ. Какъ молнія у меня мелькнула мысль, что противникъ воспользовался этой балкой для накапливанія и затѣмъ для охвата нашего фланга.

Неподалеку, сзади отъ выбранной мной позиціи, появились два взвода, подъ командой шт.-капитана Шоманскаго. Объяснивъ людямъ задачу, я сталъ выжи-

дать случая, чтобы открыть стрѣльбу по находящимся въ балкѣ австрійцамъ. Дальномѣрщикъ навелъ свой дальномѣръ на край балки и крикнулъ мнѣ: 19. Помня, что лучшихъ результатовъ я добьюсь съ прицѣла 14-15, я рѣшилъ выждать приближенія противника ко мнѣ. Пулеметы были установлены и наведены и люди исполняли свои обязанности, какъ на ученіи на Марсовомъ полѣ. Ни малѣйшаго волненія не было замѣтно на ихъ лицахъ. Картофель хорошо маскировалъ пулеметы отъ взоровъ противника. Ждать пришлось не долго.

Однимъ броскомъ изъ балки выбѣжала длинная голубая цѣпь людей и начала подвигаться въ мою сторону. На глазъ можно было опредѣлить ихъ численность не менѣе одной роты. Дальномѣрщикъ неотступно слѣдилъ дальномѣромъ за ихъ движеніями и вполголоса, какъ бы сознавая всю важность своего поста, передавалъ мнѣ прицѣлы.

Мысль, что сейчасъ я скажу одно лишь слово, и по моему этому слову, смерть начнетъ косить этихъ, подвигавшихся впередъ людей, меня волновала. До сего дня приходилось лишь командовать огонь по мишенямъ, и вотъ здѣсь впереди находились живые люди, которыхъ я долженъ уничтожить. Суровая вещь война, но всего ужаса ея въ ту минуту я не вполнѣ ясно сознавалъ. Впослѣдствіи сердце огрубѣло, и ко всѣмъ ужасамъ и къ смерти я привыкъ относиться съ полнымъ спокойствіемъ.

«14», послышался мнѣ голосъ дальномѣрщика, и я увидѣлъ вопросительные глаза солдатъ, устремленные на меня. Пулеметные унтеръ-офицеры, согласно уставу, держали руку поднятой, давая этимъ знать, что пу-

леметы готовы. Я понялъ, что наступила пора дѣйствовать, да, кромѣ того, изъ балки, вслѣдъ за первой, появилась вторая цѣпь австрійцевъ.

Насколько мнѣ тогда показалось, я спокойнымъ голосомъ скомандовалъ: «огонь». Словно ожидавшіе этого пулеметы разомъ дружно затакали, посылая сотни пуль въ ничего не ожидавшаго врага. Эффектъ получился поразительный. Рикошеты отъ пуль легли въ расположеніи самой цѣпи и минуту спустя обѣ цѣпи, оставивъ многочисленныхъ убитыхъ и раненыхъ, исчезли обратно въ балкѣ, изъ которой онѣ недавно появились, преслѣдуемыя безпрерывнымъ огнемъ пулеметовъ. Когда мы подвинулись впередъ, уже по окончаніи боя, одинъ изъ моихъ унтеръ-офицеровъ увѣрялъ меня, что онъ бѣгалъ внизъ и сосчиталъ 32 трупа на мѣстѣ, гдѣ находились австрійцы. Можетъ быть онъ и преувеличивалъ, но, во всякомъ случаѣ, результатъ стрѣльбы былъ очень хорошимъ, и больше изъ балки противникъ не появлялся. Не успѣли мы прекратить стрѣльбу, какъ нѣсколько непріятельскихъ шрапнелей разорвались надъ моими пулеметами. Повидимому, мѣстопребываніе пулеметовъ было открыто и, во избѣжаніе излишнихъ потерь, я приказалъ передвинуться немного вправо, гдѣ находился небольшой окопъ, вырытый гренадерами. Обстрѣлъ изъ него былъ не хуже, чѣмъ съ моей первой позиціи и, кромѣ того, онъ насъ хорошо укрывалъ отъ непріятельской легкой артиллеріи. Тяжелой арлиллеріи въ эти первые дни войны не было и помину. Потери мои выразились въ одномъ, легко раненомъ шрапнелью, солдатѣ. Графъ Игнатьевъ находился вблизи и я, воспользовавшись затишьемъ на моемъ участкѣ, пошелъ къ нему за новыми распоряже-

ніями. Онъ былъ очень доволенъ результатами моей стрѣльбы и боемъ, вообще, который явно склонялся въ нашу пользу. Всѣ намѣченныя задачи были выполнены полкомъ блестяще, но, къ сожалѣнію, потери полка были очень велики. Убиты были подпоручикъ Гессе, исполнявшій должность баталіоннаго адъютанта при командирѣ второго баталіона, и поручикъ Вуичъ, кромѣ убитаго въ самомъ началѣ Элліота. Ранены были: полковникъ Казакевичъ, капитанъ Эсимонтовскій, мой помощникъ поручикъ Моллеръ, смертельно шт.-капитанъ Чернявскій и нѣсколько другихъ офицеровъ. При мнѣ принесли раненаго въ лицо и ногу Веревкина. Онъ, лежа на носилкахъ, весело и нервно смѣялся, съ гордостью разсказывая о подвигахъ своихъ солдатъ.

Вечеромъ штабъ полка продвинулся впередъ въ расположеніе передовыхъ цѣпей. Мнѣ, съ темнотой, пришлось проѣзжать черезъ догоравшій Владиславовъ на соединеніе къ командѣ. Небольшая группа санитаровъ съ фонарями суетилась около распростертаго на землѣ тѣла при самомъ въѣздѣ въ деревню. На мой вопросъ, чье тѣло, одинъ изъ санитаровъ отвѣтилъ, что лежитъ офицеръ. Соскочивъ съ лошади, при свѣтѣ фонаря, я увидѣлъ мертвое лицо Павлика Вуича. Страшно оскаленные зубы и стеклянные безжизненные глаза смотрѣли на меня. Предчувствіе не обмануло его. Онъ всѣмъ говорилъ наканунѣ, что непремѣнно будетъ убитъ въ первомъ же бою. Какъ впослѣдствіи выяснилось, общее число потерь полка за этотъ день превышало пятьсотъ человѣкъ убитыми и ранеными. Владиславовъ былъ полонъ ранеными, среди которыхъ попадались и австрійцы. Ночь полкъ провелъ въ небольшомъ хуторѣ. Въ виду неизвѣстности точнаго мѣстонахожденія против-

ника, командиръ полка приказалъ выслать охраненіе и окопаться на всѣ четыре стороны. За неимѣніемъ подъ рукой подушки или бурки, я снялъ съ лошади сѣдло и положилъ его подъ голову, надѣясь до зари отдохнуть отъ всѣхъ переживаній минувшаго дня.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

На утро мы узнали, что атака нашей гвардейской бригады увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Центръ X австрійскаго корпуса былъ разбитъ и противникъ началъ медленное отступленіе на всемъ нашемъ фронтѣ. Плѣнные непріятельскіе солдаты, принадлежавшіе, главнымъ образомъ, къ Боснійскимъ и Словацкимъ полкамъ, передавали, что шедшіе на нихъ въ атаку наши громадные солдаты, которыхъ не могли остановить ни ихъ артиллерія, ни пулеметы, произвели на нихъ ошеломляющее впечатлѣніе. Дѣйствительно, полные энтузіазма перваго боя и желанія поддержать свою вѣковую боевую славу, наши солдаты шли впередъ на смерть во весь ростъ, имѣя офицеровъ впереди. Смертельно раненый Чернявскій, находясь въ полномъ забытьѣ, по доставленіи на перевязочный пунктъ бормоталъ слабѣющими губами слова полкового марша.

Вокругъ хутора и отдѣльныхъ домовъ лежало множество убитыхъ австрійцевъ. Въ одинъ изъ этихъ домовъ я зашелъ и въ первую минуту совершенно растерялся. Посреди хаты, на кровати, подперши голову рукой, лежалъ молодой, красивый австріецъ, и только всмотрѣвшись пристальнѣй, я замѣтилъ его безжизненные глаза, устремленные на меня. Повиди-

мому, тяжело раненаго, его бросили во время нашего наступленія и онъ умеръ тутъ, оставленный на произволъ судьбы. Около этой же хаты, снаружи, лежалъ убитый непріятельскій офицеръ. Имѣя распоряженіе командира полка, снимать съ убитыхъ офицеровъ походныя сумки съ картами, я, не безъ нѣкотораго чувства неловкости, отстегнулъ карты и бинокль и доставилъ ихъ въ штабъ полка.

Днемъ нашъ полкъ продвинулся еще впередъ и занялъ небольшую деревню съ помѣщичьимъ домомъ, только что оставленные противникомъ. Всѣ постройки были полны тяжело ранеными и умиравшими австрійцами. Завидѣвъ нашего полкового священника, о. Михаила Тихомірова, многіе изъ раненыхъ, преимущественно русины, просили его причастить ихъ передъ смертью, что и было съ трогательной, истинно-христіанской любовью исполнено о. Михаиломъ.

Не успѣлъ полкъ расположиться въ означенной деревнѣ, какъ откуда не возьмись, противникъ сталъ засыпать деревню шрапнелями. Быстро разсыпавшись въ боевыя цѣпи, полкъ занялъ позицію. Оказывается, стрѣляла непріятельская конная батарея, стоявшая неподалеку и прикрывавшая отходъ своихъ частей. Въ этой же деревнѣ меня ждалъ неожиданный сюрпризъ. Я находился съ двумя пулеметами при участкѣ, занятомъ 6-ой ротой, какъ неожиданно появился совсѣмъ близко разъѣздъ непріятельской кавалеріи. Затаивъ дыханіе, солдаты ждали команды стрѣлять. Когда разъѣздъ приблизился, былъ открытъ по немъ оживленный огонь. Одинъ изъ австрійцевъ упалъ, а лошадь его, лишившись всадника, помчалась въ наше расположеніе. Прапорщикъ Браунъ поймалъ ее подъ уздцы и пере-

далъ мнѣ. Въ виду того, что ему некуда было ее дѣвать, онъ мнѣ, какъ начальнику пулеметной команды, имѣвшему въ своемъ распоряженіи много лошадей, отдалъ сперва для ѣзды, а впослѣдствіи и вовсе подарилъ. Это была пятилѣтняя гнѣдая, кровная кобыла 3-хъ вершковъ росту, прекрасно выѣзженная, но очень горячая и нервная. Всю войну, до дня моего отъѣзда изъ полка при большевикахъ, въ декабрѣ 1917 года, вѣрой и правдой «Венгерка», какъ я ее назвалъ, служила мнѣ безъ отказа. До своего плѣненія она была подъ верхомъ унтеръ-офицера 7-го уланскаго австрійскаго полка. Прибѣжала она къ намъ тоже раненая, но, къ счастью, очень легко. Нижняя губа была пробита пулей. Черезъ нѣсколько дней, къ моей великой радости, никакихъ слѣдовъ отъ раны не осталось. Сѣдло и привязанную къ нему уланскую шапку, Браунъ взялъ себѣ на память.

Въ теченіи послѣдующихъ дней, полкъ находился въ безпрерывныхъ бояхъ. Начали съ Кшонова. Къ этому времени обѣ наши гвардейскія дивизіи, со своей артиллеріей, уже принимали участіе въ бою. Австрійцы, подъ натискомъ нашихъ свѣжихъ полковъ, перешли въ полное отступленіе по направленію къ своей государственной границѣ, стараясь насъ удержать арьергардными боями на прекрасно укрѣпленныхъ заранѣе позиціяхъ. Надо отдать справедливость австрійцамъ, что тактика арьергардныхъ боевъ была разработана у нихъ идеально. Подъ Кшоновымъ, со мной приключилось небольшое происшествіе, хорошо характеризующее то рыцарское отношеніе, которое тогда еще имѣло мѣсто въ самомъ началѣ войны. Для наблюденія за исполненіемъ моихъ распоряженій касательно пулеметовъ, я пошелъ

къ позиціямъ 2-го батаіона. Дорога шла лѣсомъ, который насквозь прострѣливался противникомъ.

Дойдя до опушки, я подошелъ къ нашей цѣпи и увидѣлъ тутъ же лежащаго около дерева раненаго австрійскаго офицера. Изъ разспросовъ нашихъ солдатъ, выяснилось, что австріецъ заблудился и случайно набрелъ на наши позиціи. Ружейной пулей у него была перебита рука и онъ очень страдалъ. При мнѣ находилась фляжка съ коньякомъ и я налилъ ему немного въ ротъ. Нагнувшись, я замѣтилъ лежащую около него сумку съ картами, которую тотчасъ же и отобралъ. Раскрывъ сумку, я сталъ разглядывать карты со сдѣланными на нихъ цвѣтнымъ карандашемъ, отмѣтками. Заинтересовавшись, что означали эти отмѣтки, я обратился къ офицеру съ просьбой объяснить это мнѣ. Какъ встрепанный, австріецъ вскочилъ на ноги и, взявъ здоровую руку подъ козырекъ, спросилъ меня, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь разговаривать. Я назвалъ себя и свой полкъ. Тогда австріецъ, оказавшійся впослѣдствіи офицеромъ генеральнаго штаба, сказалъ мнѣ, что онъ такой же офицеръ, какъ и я, и что я долженъ прекрасно понимать, что на такіе вопросы онъ не вправѣ отвѣчать. Молча отдавъ ему честь, я забралъ съ собой карты и отнесъ ихъ графу Игнатьеву. Послѣ Кшонова полкъ три дня дрался подъ Зарашовымъ. Взятые окопы были полны трупами австрійцевъ, среди которыхъ стали попадаться и много венгровъ въ расшитыхъ золотыми шнурами штанахъ. Количество трофеевъ и плѣнныхъ, взятыхъ полкомъ, безпрерывно увеличивалось, но, къ сожалѣнію, и намъ пришлось оплакивать гибель Абаза, убитаго шрапнелью и Вансовича, умершаго отъ ранъ, кромѣ раненыхъ. Достигнутые успѣхи и побѣда, всюду

намъ сопутствующая, еще болѣе воодушевляли солдатъ и офицеровъ къ новымъ подвигамъ, особенно послѣ полученной, послѣ боя подъ Владиславовымъ, телеграммы Верховнаго Главнокомандующаго о томъ, что обстановка на всѣхъ фронтахъ требуетъ самаго серьезнаго напряженія со стороны войскъ гвардіи. Германцы шли на Парижъ и только цѣной гибели нѣсколькихъ русскихъ корпусовъ въ Восточной Пруссіи, удалось спасти столицу Франціи отъ завоеванія. Но скоро болѣе радостныя извѣстія стали къ намъ поступать. Взятіе Львова войсками генерала Рузскаго было встрѣчено у насъ громовымъ ура и казалось уже тогда, что окончательная побѣда близка.

Гвардейскій корпусъ въ составѣ первой и второй пѣхотной дивизій, входилъ въ 4-ую армію, находившуюся подъ командой генерала Эверта, смѣнившаго дряхлаго Зальца. Героизму гвардіи Люблинъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Сбивая сопротивленіе австрійцевъ, 4-ая армія неудержимо продвигалась впередъ. Не могли остановить нашего наступленія и подошедшіе къ нимъ на помощь нѣмцы. 6-ой резервный германскій корпусъ генерала Войрша былъ втянутъ тотчасъ по своемъ прибытіи въ общее отступленіе австрійцевъ, и оставилъ въ рукахъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, въ бою подъ Тарнавкой, всю свою тяжелую артиллерію, если не ошибаюсь, всего 36 орудій. О томъ, какъ онъ оставилъ въ нашихъ рукахъ свой обозъ въ составѣ 1 500 повозокъ, я напишу нѣсколько далѣе.

30-го августа полкъ подошелъ къ г. Янову, занятому противникомъ. Отдѣльная гвардейская кавалерійская бригада дѣйствовала совмѣстно съ нами. Бой подъ Яновымъ продолжался недолго. Развернувшись въ боевой

порядокъ, полкъ быстро двинулся на городъ, который послѣ короткаго боя былъ оставленъ занимавшимъ его гарнизономъ, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ спѣшенной венгерской кавалеріи. Въ этомъ бою былъ легко раненъ въ шею подпоручикъ Лыщинскій, а я самъ былъ контуженъ въ лѣвое плечо шрапнелью. Контузія была очень легкая. Маленькій синякъ прошелъ безслѣдно черезъ нѣсколько дней.

По занятіи Янова, наша конница была брошена для преслѣдованія противника. Полкъ, собравшійся въ резервную колонну, спокойно отобѣдалъ и затѣмъ двинулся походнымъ порядкомъ на югъ, черезъ огромные лѣса, принадлежавшіе графу Замойскому. Едва мы стали углубляться въ лѣсъ, какъ по всему пути слѣдованія начали намъ попадаться повозки корпуснаго транспорта 6-го германскаго резернаго корпуса.

Лошади, запряженныя въ повозки, были большей частью убиты и лежали тутъ же. Грустно и тяжело было смотрѣть на благородныхъ животныхъ, сотнями труповъ устилавшихъ весь путь. Чего, чего только не было нагружено на этихъ повозкахъ: мѣшки съ кофе, сахаромъ, рисомъ, ящики съ консервами, какія-то бутылки, все это либо валялось около повозокъ, либо въ полуразгромленномъ видѣ лежало на нихъ. Идти было очень тяжело. Глубокій песокъ, доходившій мѣстами до оси колесъ, задерживалъ движеніе впередъ. Въ авангардѣ шелъ 4-ый баталіонъ подъ командой своего доблестнаго командира полк. графа Литке. Впереди 4-го баталіона находились Уланы Его Величества. По всему лѣсу раздавалась безпрерывная, рѣдкая стрѣльба и безсмысленные, нервирующіе крики: «кавалерія слѣва и справа». Высылка сильныхъ дозорныхъ цѣпей умень-

шила это нервное настроеніе. Одиночные разъѣзды венгерской кавалеріи и отставшія отъ своихъ частей небольшія партіи противника дѣйствительно бродили въ лѣсу, но опасности онѣ не представляли, хотя панику могли внести большую. Я ѣхалъ рядомъ съ командиромъ, когда замѣтилъ солдата, Улана Его Величества, съ повязанной головой, ѣхавшаго нѣсколько впереди насъ. Солдатъ качался въ сѣдлѣ и былъ либо пьянъ, либо сильно ослабѣлъ отъ раны. Совершенно неожиданно онъ пришпорилъ свою лошадь и поскакалъ впередъ. Чувствуя, что что-то должно произойти, я поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. Меня сопровождало двое конныхъ ординарцевъ. Доѣхавъ до прогалины въ лѣсу, уланъ свернулъ на нее и съ громкимъ крикомъ ура, стрѣляя вверхъ изъ винтовки, помчался вдоль нея. Когда я доскакалъ вслѣдъ за нимъ до означенной прогалины, то глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина. На прогалину выходилъ отрядъ австрійцевъ сомкнутымъ строемъ. Среди нихъ я успѣлъ разглядѣть нѣсколько человѣкъ въ каскахъ, которыхъ издали принялъ за нѣмцевъ. Впослѣдствіи это оказались австрійскіе жандармы. Уланъ, продолжая стрѣльбу, скакалъ прямо на нихъ. Сообразивъ, что австрійцы опасности не представляютъ, да кромѣ того, моя «Венгерка», завидѣвъ родные ей голубые мундиры, тащила меня прямо на нихъ, я подскакалъ прямо къ нимъ почти одновременно съ уланомъ и крикнулъ имъ по нѣмецки: **«Waffen nieder».** Вся партія, человѣкъ около пятидесяти, покорно начала бросать на землю винтовки; часть же встала на колѣни, выкинувъ бѣлые платки. Уланъ былъ наиболѣе опаснымъ изъ всей группы, такъ какъ стрѣльбой могъ навлечь на себя огонь

нашихъ дозоровъ; поэтому я приказалъ ординарцамъ отнять у него винтовку, что и было ими тотчасъ же исполнено. Уланъ, ничего больше не соображая, продолжалъ мнѣ что-то кричать. Повидимому, онъ былъ совершенно ненормаленъ, и самое лучшее было не обращать на него вниманія. Къ сожалѣнію, то, чего я боялся, случилось. Вышедшія на прогалину наши дозорныя цѣпи 1-го баталіона, не разобравъ въ чемъ дѣло и увидѣвъ группу австрійцевъ, немедленно открыли по ней стрѣльбу. Сколько было у меня силы, я началъ имъ кричать, чтобы они не стрѣляли, что здѣсь свои. Стрѣльба прекратилась, но къ несчастью, среди австрійцевъ оказалось нѣсколько тяжело раненыхъ. Плѣнныхъ подъ конвоемъ отправили въ штабъ дивизіи и полкъ продолжалъ движеніе впередъ, откуда раздавалась частая ружейная и пулеметная стрѣльба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вскорѣ послѣ инцидента съ плѣнными, графъ Игнатьевъ получилъ донесеніе отъ барона Маннергейма, съ просьбой оказать ему немедленную помощь, такъ какъ онъ дальше со своей кавалеріей продвинуться не можетъ, встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны пѣхоты противника. Командиръ приказалъ графу Литке спѣшить съ 4-мъ баталіономъ на помощь уланамъ, и самъ съ остальной частью полка двинулся въ томъ же направленіи.

Когда мы подошли къ мѣсту боя, то застали слѣдующую картину. Коноводы уланскаго полка запрудили всю дорогу. Тутъ же стояла въ орудійной колоннѣ 3-я батарея лейбъ-гвардіи конно-артиллерійской бригады. Спѣшенные эскадроны уланъ перестрѣливались немного далѣе съ противникомъ.

На встрѣчу графу Игнатьеву выѣхалъ баронъ Маннергеймъ, который заявилъ, что онъ потерялъ убитыми двухъ офицеровъ, а именно извѣстнаго на всю Россію скакуна ротмистра Бибикова и поручика Халявко, и что онъ проситъ немедленной поддержки. Самъ Маннергеймъ соблюдалъ полное хладнокровіе, несмотря на трагичность положенія уланъ, не могущихъ дѣйствовать въ непривычной для кавалеріи лѣсной обстановкѣ.

Графъ Игнатьевъ, развернувъ карту сразу опредѣлилъ, что онъ имѣетъ впереди себя лишь слабыя силы противника, прикрывающія отходъ обозовъ къ рѣкѣ Таневу. Оцѣнивъ обстановку, онъ приказалъ, подошедшей съ полкомъ, легкой батареѣ нашей гвардейской артиллерійской бригады открыть огонь по перекрестку дорогъ, находившемуся въ нѣсколькихъ верстахъ впереди и 4-му баталіону поддержать уланъ.

Послѣ первыхъ же орудійныхъ выстрѣловъ, германцы стали поспѣшно отходить, но въ виду наступающей темноты, преслѣдованіе ихъ пришлось прекратить.

На утро полкъ, потерявъ соприкосновеніе съ противникомъ, походной колонной двинулся впередъ и, часовъ около десяти утра, подошелъ къ мосту черезъ р. Таневъ. Проходя мѣсто вчерашняго боя, мы увидѣли много труповъ лошадей уланъ, уже наполовину засосанныхъ болотомъ, а также подобрали двухъ тяжело раненыхъ германцевъ, оставленныхъ своими. Судя по участку, занятому противникомъ во время боя съ уланами, силы его не должны были превышать нѣсколькихъ взводовъ пѣхоты. Мостъ черезъ Таневъ былъ сожженъ отступавшимъ противникомъ и гвардейскіе саперы, приданные полку, съ необычайнымъ искусствомъ, работая по поясъ въ водѣ, замѣнили еще дымившійся настилъ новымъ деревомъ. Пѣхота перешла по этому мосту; кавалерія, артиллерія и мои пулеметы переправились въ бродъ нѣсколько выше по теченію.

2-го сентября полкъ подошелъ къ р. Сану около дер. Кршешовъ. На томъ берегу Сана лежала Галиція и мы ожидали серьезнаго сопротивленія со стороны арьергардовъ противника, ибо Кршешовъ былъ очень удобенъ для обороны.

Недалеко отъ Кршешова находился мостъ черезъ Санъ. Подойдя къ Кршешову, мы были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Послѣ короткаго, но горячаго боя, Преображенцы и Семеновцы овладѣли Кршешовымъ, а одинъ изъ баталіоновъ Семеновскаго полка, по пятамъ отступавшаго непріятеля, быстро перебѣжалъ черезъ мостъ и прочно утвердился на томъ берегу Сана. Во время этого боя мы потеряли убитымъ поручика Крогеруса, командовавшаго 12-ой ротой, очень дѣльнаго и храбраго офицера и прекраснаго товарища. Раненъ былъ мой помощникъ подпоручикъ Зубовъ, шрапнельной пулей въ ногу и, изъ за его раненія, я остался единственнымъ офицеромъ на всю команду.

Похоронивъ убитыхъ, на слѣдующее же утро, при дивной осенней погодѣ, полкъ перешелъ Санъ и вступилъ на непріятельскую землю.

Полковой оркестръ былъ высланъ заблаговременно впередъ и, подъ звуки своего родного марша, полкъ переходилъ рѣку.

Подъемъ и энтузіазмъ у всѣхъ былъ необычайный. Мечта наша исполнилась, мы перенесли театръ войны съ своей земли на землю непріятеля. Кавалерія, высланная далеко впередъ, не обнаружила никакихъ признаковъ непріятеля. Австрійцы, разбитые въ многодневныхъ бояхъ, отходили глубоко назадъ, чтобы реорганизовать свои полки. Первый періодъ войны, такъ называемый Люблинскій, закончился нашей полной побѣдой. Досталась намъ эта побѣда дорогой цѣной. Девять убитыхъ офицеровъ, кромѣ многихъ раненыхъ, и нѣсколько сотъ солдатъ купили побѣду своею кровью.

Послѣ перехода черезъ Санъ, войскамъ былъ данъ отдыхъ на нѣсколько дней. Населеніе и типъ деревень

совершенно напоминали только что покинутую нами Люблинскую губернію, и можно было подумать, что мы все еще находимся на своей землѣ. Полкъ былъ расквартированъ по близъ лежащимъ деревнямъ и встрѣтилъ со стороны населенія вполнѣ пріязненное отношеніе.

Отдохнувъ отъ двухнедѣльныхъ, безпрерывныхъ боевъ, части корпуса стали продвигаться вглубь Галиціи. Шли въ порядкѣ мирнаго времени, такъ какъ кавалерія не могла нащупать противника по радіусу 70 верстъ. Чудныя галиційскія шоссе сильно облегчали большіе переходы, ибо наступившіе дожди затрудняли движеніе по грунтовымъ дорогамъ. Наши обозы находились глубоко позади, въ Люблинской губерніи и въ виду этого, полкъ былъ лишенъ многаго необходимаго. Самое тяжелое было отстутствіе хлѣба и табаку. Приходилось довольствоваться сухарями и, несмотря на строгое запрещеніе, многіе солдаты курили сухіе листья.

По Галиціи полкъ продвинулся до громаднаго гминнаго села Колбушова и затѣмъ получилъ приказъ усиленными переходами спѣшить обратно на сѣверъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пока гвардія, потерявъ соприкосновеніе съ противникомъ безъ выстрѣла продвигалась по Галиціи, германское командованіе задумало нанести Русской Арміи сокрушительный ударъ, цѣлью котораго было занятіе Варшавы. О томъ, что положеніе на Варшавскомъ направленіи было чрезвычайно серьезнымъ, мы узнали, лишь подойдя къ Ивангороду. Пограничную рѣку Санъ полкъ перешелъ противъ Сандоміра, эффектно расположеннаго на берегу Вислы. Осенняя распутица давала себя знать во время этихъ переходовъ. И люди и лошади сильно измотались, такъ какъ приходилось пользоваться почти исключительно грунтовыми дорогами. Не доходя нѣсколько верстъ до Ивангорода, полкъ остановился на большой привалъ. Гдѣ-то издалека раздавались звуки тяжелыхъ орудій.

Передъ наступленіемъ темноты полкъ уже переходилъ рѣку Вислу, по наведенному понтонному мосту, и продолжалъ движеніе въ направленіи, откуда раздавались орудійные выстрѣлы.

Въ совершенно разоренной деревнѣ, находящейся въ районѣ крѣпостной обороны, и изъ которой всѣ жители были выселены, былъ данъ приказъ остановиться на ночлегъ. По колѣно въ жидкой грязи, роты расходились по отведеннымъ имъ помѣщеніямъ. Расквартиро-

вавъ своихъ людей, я вернулся къ командиру, котораго нашелъ въ какой-то полуразвалившейся хатѣ. Никого изъ офицеровъ при немъ не было, и онъ очень обрадовался моему появленію.

Поздно вечеромъ, къ командиру пріѣхалъ офицеръ изъ штаба крѣпости и передалъ пакетъ. При свѣтѣ небольшого огарка, гр. Игнатьевъ вскрылъ пакетъ и, прочтя его, сдѣлался сразу очень озабоченнымъ. Пакетъ содержалъ диспозицію, данную полку на слѣдующій день.

Изъ разспросовъ офицера выяснилось, что только что закончившійся бой окончился не въ нашу пользу. Армейская пѣхота, составленная изъ второочередныхъ полковъ не устояла противъ натиска, наступавшихъ на нее венгерскихъ гонведовъ и отходила на крѣпость, преслѣдуемая непріятелемъ. Преображенскому полку было приказано немедленно занять линію впереди фортовъ и преградить наступленіе противника. По свѣдѣніямъ офицера, деревни, которыя надлежало полку занять, могли уже быть заняты венграми, такъ какъ связь съ передовыми частями была очень плохая и точно въ штабѣ крѣпости не было извѣстно на какой линіи остановились наши отходившія части.

Потребовавъ проводника для проводовъ полка, мимо фортовъ и различныхъ оборонительныхъ сооруженій, отъ которыхъ могли пострадать незнакомыя съ планомъ воинскія части, графъ Игнатьевъ отдалъ приказъ полку выступить для исполненія даннаго боевого заданія.

Въ кромѣшной темнотѣ, мѣся грязь, поливаемые сверху дождемъ, баталіоны начали расходиться по боевымъ участкамъ. Командиръ очень волновался, хотя

наружно казался спокоенъ. Обстановка на фронтѣ была настолько неясна, что можно было ожидать всякихъ неожиданностей.

Съ разсвѣтомъ, полкъ безъ выстрѣла уже занималъ указанный ему участокъ. Противникъ пока не былъ обнаруженъ. Позиція полка находилась вблизи дер. Сарневъ и проходила далѣе къ Сарновскому озеру.

Разобравъ обстановку при свѣтѣ уже яркаго солнечнаго утра, командиръ приказалъ 3-му баталіону продвинуться впередъ ближе къ Сарновскому озеру. Въ виду того, что взводный командиръ приданнаго 3-му баталіону пулеметнаго взвода, былъ не всегда на высотѣ, я лично принялъ командованіе этимъ взводомъ и двинулся совмѣстно съ баталіономъ. Едва цѣпи 10-ой и 11-ой роты стали наступать черезъ лѣсъ къ берегу озера, по нимъ былъ открытъ съ близкой дистанціи сильный ружейный огонь. Противникъ находился совсѣмъ близко и потому цѣпи были остановлены и людямъ былъ данъ приказъ начать окапываться. Во время этой перестрѣлки были ранены оба младшихъ офицера 10-ой роты Хвощинскій и Збороміpcкій.

Быстро окопавшись, наши солдаты стали отвѣчать на огонь венгровъ, который постепенно затихъ.

На этой импровизированной позиціи полкъ пробылъ до утра 12-го октября. Окопы мѣстами были настолько близкими отъ непріятеля, что малѣйшее движеніе на участкѣ 11-ой роты, при которой я находился, вызывало немедленную стрѣльбу со стороны противника. Съ наступленіемъ темноты, непріятельскіе стрѣлки стрѣляли даже на огонекъ отъ папиросы, въ чемъ я лично убѣдился, когда, высунувшись изъ окопа съ папиросой

въ зубахъ, былъ тотчасъ же обстрѣлянъ непріятелемъ. За этотъ промежутокъ времени, Семеновскій полкъ ходилъ въ ночную атаку. Начальство хотѣло, чтобы нашъ полкъ пошелъ въ такую же атаку и командиру полка стоило большихъ усилій уговорить штабъ дивизіи отказаться отъ этой затѣи. Дѣйствительно, большинство ночныхъ атакъ кончаются неудачей и влекутъ за собой громадныя потери, не достигнувъ существеннаго результата. Среди убитыхъ офицеровъ въ этомъ бою, значился и мой товарищъ по Пажескому корпусу Якимовичъ.

12-го утромъ наши войска перешли въ общее наступленіе на всемъ фронтѣ. Противникъ, не выдержавъ стремительнаго удара, сталъ поспѣшно отходить на свои главныя позиціи.

На слѣдующій день, часовъ около 4-хъ дня, наступилъ незабываемый по красотѣ и подъема духа послѣдній періодъ Ивангородскихъ боевъ. Все поле покрылось бѣгущими впередъ, съ винтовками на перевѣсъ, частями гвардіи. Всюду раздавалось громовое русское ура. Противникъ, предпочитая сдачу въ плѣнъ смерти, толпами выбѣгалъ изъ окоповъ и строился въ колонны, выкидывая большіе бѣлые флаги. Другая его небольшая часть, покинувъ окопы, стремглавъ бѣжала назадъ, пытаясь скрыться въ такъ называемомъ «Чарномъ Лясѣ». Легкая наша артиллерія, съ большимъ искусствомъ мѣняя установки дистанціонныхъ трубокъ, посылала цѣлый дождь шрапнелей, которыя разрывались, казалось, надъ самыми спинами бѣглецовъ. Къ этому моменту къ штабу полка подошли пришедшія на пополненіе убыли двѣ маршевыя роты изъ Петрограда, подъ командой пор. Мирковича. Видъ наступающихъ впередъ нашихъ

побѣдоносныхъ полковъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на этихъ необстрѣлянныхъ солдатъ.

Побѣда была полная и рѣшительная. Лучшіе гонведные полки, въ четырехдневномъ бою были разбиты на голову. Какъ въ августѣ гвардія спасла Люблинъ, такъ и сейчасъ, два мѣсяца спустя, она грудью отстояла небольшой и слабо вооруженный Ивангородъ отъ взятія его непріятелемъ. Не одна гвардія такъ отличалась за эти дни; во имя справедливости необходимо отмѣтить блестящія дѣйствія нашего сосѣда справа, 3-го Кавказскаго корпуса, подъ командой своего испытаннаго вождя ген. Ирманова. Стойкость этого славнаго корпуса въ бою подъ Козеницами была поистинѣ изумительной. 9-ая армія ген. Лечицкаго, въ которую гвардія тогда входила, взяла за нѣсколько дней одними лишь плѣнными свыше 15 тысячъ человѣкъ, не считая другихъ трофеевъ. Доблесть подоспѣвшихъ во-время сибирскихъ полковъ, въ бою подъ Пясечной, и блестящія дѣйствія остальныхъ корпусовъ опрокинули всѣ разсчеты германскаго командованія.

Варшава прочно находилась въ нашихъ рукахъ и, доходившія почти до самыхъ ея предмѣстій непріятельскія арміи, подъ напоромъ нашихъ войскъ, начали отступленіе на широкомъ фронтѣ, которое было остановлено лишь на р. Вартѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Съ 13-го октября по первыя числа ноября, гвардія продолжала свое побѣдоносное продвиженіе на западъ. Австрійцы всячески старались насъ удержать арьергардными боями, до которыхъ они были большіе мастера. Эти небольшіе бои сильно затрудняли наше наступленіе, ибо очень часто приходилось, имѣя впереди себя лишь небольшія части противника, нерѣдко состоявшія изъ спѣшенной кавалеріи, съ приданной ей артиллеріей, перестраиваться въ боевой порядокъ, вести правильное наступленіе и въ результатѣ тратить на это много времени.

Подъ прикрытіемъ этихъ арьергардовъ, австрійскія главныя силы стремительно отходили на свою новую оборонительную линію, проходящую на высотѣ Кракова, вблизи самой границы. Потери, хотя и небольшія, все же были. Въ одной изъ этихъ стычекъ былъ тяжело раненъ пулей въ лицо, съ раздробленіемъ челюсти и языка, позднѣе звѣрски разстрѣлянный большевиками въ Евпаторіи, поручикъ гр. Н. В. Татищевъ. Въ бою подъ Лаговымъ, былъ раненъ въ ногу легко, прапорщикъ Браунъ. Болѣе сильное сопротивленіе гвардія встрѣтила у Святого Креста. Преображенцы въ этомъ бою почти не участвовали, такъ какъ Измайловцы, до нашего прихода, собственными силами справились съ упорно защищавшимися венграми.

По пути нашего слѣдованія, мы всюду подбирали брошенное противникомъ снаряженіе, а также зарядные ящики и повозки. Плѣнныхъ попадалось не много, такъ какъ при столь поспѣшномъ отступленіи мы фактически лишены были возможности захватывать крупныя части противника. Кавалеріи при гвардіи было мало, и объ ея дѣятельности мы въ ту пору мало слыхали.

Бывали и курьезные эпизоды. Какъ-то вечеромъ, полкъ, находившійся въ авангардѣ, былъ остановленъ огнемъ изъ какой-то деревни. Деревня лежала на противоположномъ берегу небольшой рѣчки. Мостъ былъ въ полной исправности и это обстоятельство дало поводъ думать, что австрійцы минировали мостъ и нарочно его не уничтожили.

Ночью штабъ полка рѣшилъ провѣрить это предположеніе и вызванные охотники, подъ командой пор. Нелидова, доставъ гдѣ-то нѣсколько штукъ коровъ, погнали ихъ черезъ мостъ. Мостъ выдержалъ испытаніе. Коровы, подгоняемыя охотниками, галопомъ помчались черезъ него, встрѣченныя безпорядочной стрѣльбой непріятеля. Подъ утро венгры, безъ всякаго давленія съ нашей стороны, очистили деревню и полкъ двинулся за ними, благополучно пройдя казавшійся столь страшнымъ мостъ.

Военныя дѣйствія происходили уже давно на территоріи Кѣлецкой губерніи, и съ каждымъ днемъ гвардія приближалась къ передовой линіи укрѣпленія Кракова, Баскъ, Пинчевъ и множество еще болѣе мелкихъ старинныхъ польскихъ городишекъ и мѣстечекъ, сплошь почти населенныхъ евреями, полкъ оставлялъ за собой.

Погода стояла прекрасная. Дождей не было и солнце посылало на землю свои еще теплые лучи. Мѣстность

становилась болѣе и болѣе пересѣченной, и все говорило о томъ, что мы приближаемся къ отрогамъ Карпатъ.

Въ одно прекрасное осеннее утро солнце внезапно освѣтило далеко впереди лежащую гряду горъ. Сердце забилось сильнѣй отъ волненія. Тѣ самыя Карпаты, которыя оказались могилой для многихъ и многихъ тысячъ русскихъ солдатъ, и объ вершины которыхъ, въ теченіи зимнихъ послѣдующихъ мѣсяцевъ, разбилась сила нашихъ геройскихъ армій, высились передъ нами во всей своей величавой красотѣ. Это феерическое зрѣлище продолжалось недолго. Солнце скрылось за тучами и въ наступившемъ туманѣ потонули грозные силуэты горъ.

3-го ноября полкъ подошелъ къ Скалѣ. Широкая долина отдѣляла Скалу отъ позицій, занятыхъ на противоположной ея сторонѣ австрійцами. Второй нашъ баталіонъ, наступавшій на лѣвомъ флангѣ полка, натнулся на чрезвычайно сильное сопротивленіе противника, во много разъ превышавшаго его силой. Во время боя былъ смертельно раненъ командовавшій 7-ой ротой, подпоручикъ К. Д. Нарышкинъ. Баталіонъ понесъ весьма чувствительныя потери и полку было приказано занять позиціи у самой Скалы. Командиръ полка помѣстилъ свой штабъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ передовой линіи. Круглыя сутки Скала находилась подъ обстрѣломъ противника. По даннымъ, добытымъ развѣдкой, противъ нашихъ двухъ гвардейскихъ дивизій, дѣйствовало пять дивизій противника. Полку пришлось занять громадный фронтъ. Промежутки между баталіонами доходили полъ версты, если не больше. Всѣ пулеметы находились на линіи, дабы хоть немного обезпечить фланги баталіонныхъ участковъ перекрестнымъ

огнемъ. Къ счастью для насъ, дивизіи противника состояли, главнымъ образомъ, изъ ландштурма старшихъ возрастовъ и особой охоты къ наступленію на насъ не проявляли. Выходившіе впередъ развѣдчики, высланные отъ полка, часто приводили съ собой небольшія партіи этихъ вполнѣ добродушныхъ ландштурмистовъ, которые, повидимому, ничего не имѣли противъ того, чтобы кончить войну и поѣхать отдыхать въ Россію.

Однажды днемъ, находясь при пулеметахъ, я замѣтилъ партію противника, спустившуюся внизъ по направленію къ перекрестку дорогъ. Давъ имъ дойти до означеннаго перекрестка, я открылъ по нимъ пулеметный огонь. Вся компанія моментально легла на снѣгъ, только недавно выпавшій. Развѣдчики 10-ой роты, въ количествѣ 7-8 человѣкъ, осторожно продвинулись скрытнымъ образомъ впередъ и неожиданно выскочили на лежащихъ австрійцевъ. Тѣ безъ выстрѣла, побросавъ винтовки, сдались въ плѣнъ, хотя количествомъ они превышали нашихъ солдатъ, болѣе чѣмъ въ пять разъ.

Безпрерывный обстрѣлъ Скалы сильно насъ безпокоилъ; шрапнельными пулями были убиты вольноопредѣляющійся Львовъ и нѣсколько солдатъ. Зайдя какъ-то въ окопъ командира 10-ой роты поручика Бюцева, гдѣ находились въ ту минуту нѣсколько офицеровъ, не успѣлъ я сѣсть, какъ непріятельскій снарядъ разорвался надъ самымъ окопомъ. Всю нашу компанію засыпало землей и контузило слегка артиллерійскаго офицера. Отряхнувъ съ себя землю, мы стали потѣшаться надъ однимъ изъ офицеровъ, у котораго шрапнельной пулей оказались пробитыми подтяжки. Эти подтяжки спасли ихъ владѣльца отъ раненія и кто-то немедленно спро-

силъ офицера, въ какомъ магазинѣ онъ ихъ купилъ, что вызвало много смѣха.

Тамъ же подъ Скалой былъ вторично раненъ полковникъ Казакевичъ.

Простоявъ три дня на этой позиціи, полкъ получилъ распоряженіе смѣнить армейскую дивизію, стоящую на позиціи у дер. Поремба-Гурна. Вслѣдъ за выпавшимъ первымъ снѣгомъ, погода рѣзко измѣнилась къ худшему. Холодная, сырая осень — преддверіе зимы, — наступила.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Участокъ, выпавшій на долю полка, былъ очень тяжелымъ. Деревня Хэлмъ, которая находилась почти въ центрѣ нашего расположенія, была на половину въ рукахъ непріятеля и безпрестанная стрѣльба австрійцевъ, часто стрѣлявшихъ разрывными пулями, уносила у насъ много напрасныхъ жертвъ. Ближайшимъ тыломъ позиціи полка являлась дер. Поремба-Гурна. Самое названіе говоритъ о томъ, что она была расположена на горѣ и поэтому была прекрасной мишенью для непріятельской артиллеріи.

Линія обороны австрійцевъ входила въ систему передовыхъ укрѣпленныхъ позицій Краковской крѣпости и, пользуясь желѣзной ордогой, непріятель имѣлъ возможность употреблять противъ насъ тяжелыя крѣпостныя орудія до 12 дм. калибровъ включительно.

Первая же попытка произвести небольшое наступленіе въ сторону противника кончилась неудачей. 3-я рота, подъ командой своего безстрашнаго командира кап. Веденяпина, попала сразу подъ губительный огонь противника и, понеся крупныя потери, вынуждена была остановиться. Въ этотъ день былъ убитъ поручикъ Галлеръ. На этой попыткѣ, носившей скорѣй характеръ усиленной рекогносцировки укрѣпленій противника, штабъ полка рѣшилъ остановиться и больше ни-

какихъ активныхъ операцій не производить, впредь до полученія распоряженій свыше.

Нашему участку были приданы нѣсколько 6 дм. гаубицъ которыя, къ нашей великой радости, изрѣдка обстрѣливали позиціи противника, давая прекрасныя попаданія. Говорю изрѣдка, такъ какъ снарядовъ у нихъ было не много и приходилось экономить имѣвшійся наличный запасъ. Въ результатѣ обѣ стороны зарылись въ землю и перешли къ позиціонной борьбѣ, впервые съ начала открытія военныхъ дѣйствій. На лѣвомъ флангѣ нашей 9-ой арміи удачно наступала 3-я армія, подъ командой Радко-Димитріева.

Бохня и Величко находились уже въ рукахъ этой доблестной арміи и кольцо окруженія Кракова начинадо смыкаться. На этихъ позиціяхъ пали смертью храбрыхъ подпоруч. Валуевъ и подпоруч. бар. Сталь фонъ-Гольштейнъ; смертельно раненый шт.-кап. Бюцовъ 1-ый, командовавшій 10-ой ротой, скончался отъ раны во время перевозки въ Варшаву. Неизвѣстно, гдѣ было лучше, въ Порембѣ-Гурнѣ или на позиціяхъ. На позиціяхъ были укрытія въ видѣ окоповъ, резервныя же части въ Порембѣ-Гурнѣ лишь подъ конецъ стали строить, наученныя горькимъ опытомъ, блиндажи. 12 артиллерія противника стрѣляла рѣдко, но пораженія ея, нанесенныя разрывомъ этихъ снарядовъ, были огромны. Въ одинъ прекрасный день 12 дм. снарядъ разорвался въ самой Порембѣ-Гурнѣ вблизи костела. Я находился въ халупѣ, когда услышалъ страшный взрывъ. Выбѣжавъ на улицу, я увидѣлъ, что костелъ и вся мѣстность вокругъ него были закрыты громаднымъ столбомъ земли, перемѣшаннымъ съ каменьями, кусками дерева и другими предметами. Со всѣхъ сторонъ слышался звонъ

разбитыхъ стеколъ и многія халупы, какъ потомъ оказалось, осѣли и дали трещины.

Когда все успокоилось, я побѣжалъ къ мѣсту взрыва, гдѣ засталъ нѣсколькихъ офицеровъ, любовавшихся громадной воронкой въ 14 аршинъ діаметромъ и 5 аршинъ глубины. Кругомъ лежали всвеозможные обломки, и даже цѣлыя деревья съ корнями были выброшены далеко въ сторону. Человѣческихъ жертвъ не было. Нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго случая, такой же снарядъ разорвался въ полѣ недалеко отъ домовъ, занятыхъ моей пулеметной командой. Семнадцать человѣкъ раненыхъ, въ большинствѣ легко, осколками дерева и стекла, были результатами этого разрыва. Ночью непріятельская артиллерія также не давала намъ покою. Часто приходилось просыпаться отъ разрывовъ шрапнелей и гранатъ, засыпавшихъ деревню. Тонкія стѣны халупъ и еще болѣе тонкія крыши, могли лишь предохранить отъ шрапнельныхъ пуль и небольшихъ осколковъ, да и то не всегда. Нерѣдко также, глухой ночью, на всемъ фронтѣ съ австрійской стороны, подымалась невѣроятная стрѣльба изъ ружей и пулеметовъ, къ которой вскорѣ присоединялась и артиллерія. Стрѣльба эта вызывалась, главнымъ образомъ, нервнымъ состояніемъ непріятеля, всюду чуявшаго, въ темную осеннюю ночь, нашихъ наступающихъ солдатъ. Малѣйшій шорохъ съ нашей стороны вызывалъ длительную, безпорядочную стрѣльбу.

Штабъ полка, послѣ попаданія въ домъ ксендза, гдѣ онъ былъ расположенъ, 6 дм. снаряда, едва не убившаго при своемъ разрывѣ командира полка съ его штабомъ, и тяжело ранившаго артиллерійскаго офицера, рѣшилъ перебраться въ дер. Будзынъ, лежащую за Порембо-

Гурна въ низинѣ, мало примѣтной со стороны непріятеля. Ни проволоки, ни аэроплановъ въ ту пору войны еще не существовало на нашемъ фронтѣ и введеніе въ бой тяжелой артиллеріи явилось невиданнымъ и непріятнымъ новшествомъ.

Такъ продолжалось до конца ноября, и офицеры съ нетерпѣніемъ ждали приказа о новомъ наступленіи, какъ совершенно неожиданно пришло распоряженіе, въ ночь на 1-ое декабря покинуть позиціи у Порембы-Гурны и отойти за рѣку Ниду. Впервые сначала кампаніи гвардейскому корпусу пришлось, не по своей винѣ, покинуть орошенныя кровью своихъ лучшихъ солдатъ, позиціи и начать отступленіе. Мечта всѣхъ — занятіе Кракова гвардіей разсѣялась, какъ дымъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Глухой, дождливой осенней ночью, въ непролазную грязь, полкъ, скрѣпя сердце, исполнилъ приказъ свыше и покинулъ свои позиціи.

Поручикъ Веревкинъ съ охотниками отъ всего полка, рѣдкой цѣпью уже занявшими, оставленные полкомъ окопы, всю ночь до разсвѣта, ружейнымъ огнемъ поддерживалъ у противника увѣренность, что полкъ все еще цѣликомъ стоитъ на своихъ участкахъ.

Отходъ былъ совершенъ мастерски. Передъ разсвѣтомъ охотники, усиленными переходами, догоняли ушедшій далеко за ночь полкъ и лишь небольшіе разъѣзды уланъ Его Величества поддерживали соприкосновеніе съ противникомъ, увидѣвшимъ на утро передъ собой пустые окопы.

Въ арьергардѣ, прикрывавшемъ главныя силы полка находился 4-ый баталіонъ, съ приданными ему пулеметами, при которыхъ я находился. Отойдя на нѣсколько верстъ отъ Порембы-Гурны, 4-ый баталіонъ получилъ распоряженіе задержаться до свѣта въ одной изъ деревень вблизи Вольбромскаго туннеля. Неподалеку отъ туннеля находилась братская могила германскихъ солдатъ, убитыхъ во время взрыва поѣзда со снарядами.

Надпись на крестѣ гласила: «Пусть врагъ отнесется съ уваженіемъ къ могиламъ тѣхъ, кто жизнь свою отдалъ за счастье своей родины».

За часъ до наступленія свѣта, взявъ надежныхъ проводниковъ изъ числа жителей этой деревни, 4-ый баталіонъ двинулся на соединеніе съ полкомъ. Часовъ около 8-ми утра баталіонъ подошелъ къ большому имѣнію, принадлежащему пану Дзыховскому. Панъ Дзыховскій очень любезно пригласилъ офицеровъ къ себѣ въ домъ и угостилъ насъ чаемъ и дивной старкой. Съ усмѣшкой, Дзыховскій разсказывалъ, что уже въ пятый разъ онъ принимаетъ у себя въ домѣ русскія и германо-австрійскія войска во время постоянныхъ наступленій и отходовъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Объ нѣмцахъ онъ отзывался не особенно сочувственно, говорилъ, что они взяли у него много лошадей и выдали квитанціи вмѣсто уплаты; австріцевъ хвалилъ, объ нашихъ войскахъ говорилъ сдержанно, но скорѣй хорошо.

До Кѣлецъ полкъ прошелъ походнымъ порядкомъ, тамъ былъ погруженъ въ поѣзда и отправленъ дальше на Гарволинъ. Подъ Гарволинымъ, въ окружающихъ деревняхъ, полкъ былъ размѣщенъ на время стоянки въ резервѣ. Съ 20-го августа по 1-ое декабря полкъ находился въ безпрерывныхъ походахъ и бояхъ. Потери, понесенныя за этотъ періодъ, были очень велики. Отводъ въ резервъ являлся вполнѣ заслуженнымъ и умѣстнымъ.

На Равѣ и Бзурѣ наши арміи преградили путь германцамъ на Варшаву, и несмотря на ихъ превосходство, особенно замѣтное въ технической части, не уступали больше ни одной пяди земли. Канонада была ясно

слышна какъ въ Варшавѣ, такъ и у насъ подъ Гарволинымъ. Вскорѣ послѣ прихода въ Гарволинъ, гвардіи былъ назначенъ смотръ въ Высочайшемъ присутствіи.

Увѣнчанныя славой многочисленныхъ побѣдъ, обкуренные боевымъ порохомъ, за время свыше трехъ-мѣсячныхъ боевъ, гвардія еще болѣе усилила блескъ своихъ старыхъ боевыхъ знаменъ, и поэтому, въ радостно-приподнятомъ настроеніи, ожидала этого парада, надѣясь услышать отъ своего Державнаго Шефа слова благодарности и одобренія. Къ сожалѣнію, дѣйствительность не оправдала этихъ надеждъ. Усталость ли отъ большого перехода, отъ мѣста парада до мѣста расквартированія, долгое ли ожиданіе на морозѣ пріѣзда Государя, недостаточное, какъ многимъ тогда показалось, подчеркиваніе боевыхъ заслугъ гвардіи, въ рѣчи. обращенной Государемъ къ полкамъ, все это вмѣстѣ взятое внесло чувство извѣстнаго разочарованія.

Въ Варшаву, съ разрѣшенія Высшаго Командованія, пріѣхали жены и родственники офицеровъ, чтобы провести съ ними наступающіе праздники Рождества и Новаго Года. Офицеровъ отпускали по очереди въ Варшаву на одинъ-два дня и эти поѣздки внесли большое разнообразіе. Радость увидѣть своихъ близкихъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ испытаній, и провести съ ними праздники, была очень велика.

На первый день Рождества полкъ неожиданно былъ переброшенъ изъ подъ Гарволина въ направленіи на Радомъ.

Въ Дембной Волѣ, расположенной на р. Пилицѣ, полкъ былъ снова поставленъ въ резервъ. Здѣсь былъ встрѣченъ Новый Годъ.

Жизнь текла совершенно по-мирному. Въ концѣ января полкъ снова былъ передвинутъ къ Варшавѣ, погруженъ въ эшелоны и на этотъ разъ высадился на ст. Червонный Боръ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ломжи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Походнымъ порядкомъ части 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи двинулись въ направленіи къ Прусской границѣ. Не доходя нѣсколько верстъ до послѣдней, полкъ былъ остановленъ по близости отъ мѣст. Стависки. Гвардейскій корпусъ вошелъ въ составъ 12-ой арміи. Командовалъ арміей ген.-отъ-кавалеріи Плеве, а начальникомъ штаба состоялъ въ то время ген. Миллеръ.

Получивъ свѣдѣнія о движеніи крупныхъ германскихъ силъ изъ Восточной Пруссіи въ направленіи на Ломжу, штабъ арміи далъ распоряженіе 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи отойти изъ района Стависокъ и занять позиціи ближе къ р. Нареву.

Поздно вечеромъ, 4-го февраля, около дер. Коылино, въ верстахъ 8-ми отъ Нарева, полку было приказано занять позицію. Съ начала кампаніи впервые гвардіи приходилось имѣть дѣло съ чисто германскими силами. Въ предыдущіе бои, противъ гвардіи дрались австро-венгерцы, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ бояхъ подъ Люблинымъ, въ августѣ 1914 г., поддержанные небольшими частями германцевъ.

Стояла холодная, напоминающая нашъ сѣверъ, зима. Вся мѣстность была покрыта толстымъ слоемъ снѣга. Земля была насквозь промерзшая и рыть окопы бы-

ло чрезвычайно трудно. Передъ самымъ наступленіемъ темноты, удалось вырыть въ снѣгу небольшіе окопы и занять ихъ стрѣлками. Лѣвый флангъ полка упирался въ шоссе Ломжа — Стависки. По другую сторону шоссе начинались позиціи Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка. Пулеметный взводъ, при которомъ я находился въ ту ночь, былъ мной расположенъ около самаго шоссе. Съ нашихъ позицій былъ прекрасный обстрѣлъ и далекій кругозоръ. Мѣстность чуть-чуть спускалась въ сторону противника и противъ лѣваго фланга полка, на дистанціи свыше двухъ верстъ, не было ни одного деревца впереди. Противъ участка Семеновскаго полка находилось топкое и довольно большое болото. Деревня Кобылино входила въ участокъ Семеновцевъ. Находившіеся впереди, наши развѣдчики, въ составѣ 3-ей роты, медленно отходили широкой цѣпью къ нашимъ позиціямъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ наступали германцы. Наша легкая батарея, прикрывая отходъ 3-ей роты, открыла огонь съ далекой дистанціи по колоннѣ противника, шедшей вдоль шоссе. Удачнымъ попаданіемъ батарея зажгла мельницу, лежащую далеко впереди нашихъ позицій. Свѣтъ отъ горящей мельницы долго позволялъ намъ разбирать мѣстность въ наступавшей темнотѣ.

Наступилъ темный, холодный вечеръ. Въ окопахъ было очень холодно и этотъ холодъ не давалъ возможности заснуть людямъ уставшихъ отъ длиннаго перехода и тяжелой работы по рытью окоповъ. Секреты, высланные впередъ, чутко прислушивались къ шуму, доносившемуся со стороны противника.

Воспользовавшись тишиной, я вылѣзъ изъ окопа и пошелъ вдоль позиціи на сосѣдній участокъ провѣрить

исправность несенія службы другого моего взвода. Провѣривъ взводъ, я сталъ возвращаться обратно къ шоссе, какъ неожиданно поднялась сильная ружейная стрѣльба съ нашей стороны. Одновременно вся мѣстность впереди позиціи освѣтилась многочисленными огоньками винтовочныхъ выстрѣловъ германцевъ, и я бѣгомъ, подъ градомъ пуль, вскочилъ въ пулеметный окопъ, гдѣ все было приготовлено для стрѣльбы.

Скомандовавъ: «огонь», я приказалъ поддерживать безпрерывную стрѣльбу вдоль шоссе, съ небольшимъ разсѣиваніемъ въ обѣ стороны. Минутъ 15-20 продолжалась стрѣльба и затѣмъ постепенно стала утихать. Когда все окончательно стихло, можно было различить доносившіеся до насъ стоны раненыхъ солдатъ. Всю ночь на сторонѣ непріятеля происходилъ какой-то шумъ, и мы заключили, что онъ былъ занятъ уборкой раненыхъ.

Когда разсвѣло, глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: передъ самыми окопами, мѣстами не далѣе 80-ти шаговъ, лежало нѣсколько десятковъ убитыхъ германцевъ. Особенно много лежало ихъ около шоссе и я не безъ нѣкотораго основанія приписалъ это работѣ пулеметовъ. На дистанціи дѣйствительнаго ружейнаго огня, признаковъ противника не было обнаружено, повидимому, онъ накапливался въ далеко впереди лежащемъ лѣсу.

Впервые мнѣ пришлось замѣтить, какія страшныя раны были нанесены нашими пулями съ такой близкой дистанціи. Я лично видѣлъ совершенно разбитую пулей черепную коробку германскаго солдата, съ вывалившимся мозгомъ и вдавленной внутрь каской. Много германцевъ утонуло въ болотѣ на участкѣ Семеновска-

го полка. Жаль также было смотрѣть на двухъ раненыхъ лошадей, съ перебитыми ногами, которыя безпомощно лежали на самомъ шоссе и не могли подняться. Выстрѣлами изъ револьвера, мученія несчастныхъ животныхъ были прекращены. Возлѣ убитыхъ германцевъ лежало большое количество пустыхъ гильзъ и всевозможные предметы снаряженія. Въ найденныхъ записныхъ книжкахъ находились открытки, на которыхъ автографомъ Кронпринцессы были написаны слѣдующія слова: «Gott helfe uns zum Siege. Cecilia, Kronprinzessin.»

Взятый въ плѣнъ германскій офицеръ разсказалъ, что они ничего не подозрѣвали о томъ, что около Кобылино были расположены русскія позиціи. Ихъ штабъ считалъ русскихъ гораздо дальше и районъ Кобылино былъ отведенъ для расквартированія германскихъ частей. Велико было его изумленіе, когда онъ и шедшій за нимъ отрядъ наткнулись на окопы, прочно занятые русскими.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Началось безконечное Ломжинское сидѣніе, продолжавшееся свыше 4-хъ мѣсяцевъ. Какъ бы сговорившись, обѣ стороны заранѣе рѣшили, что этотъ участокъ фронта долженъ быть пассивнымъ. Правѣе насъ небольшой, но неуязвимый Оссовецъ мужественно преградилъ путь германцамъ, которые несмотря на всѣ усилія, не могли его взять. За эти 4 мѣсяца, лишь въ самомъ началѣ была сдѣлана попытка отобрать у противника высоту 85,0 находящуюся лѣвѣе Кобылина.

Ночной атакой, начавшейся вслѣдъ за короткой, но очень сильной артиллерійской подготовкой, Семеновцы и Егеря утвердились на ближайшемъ къ намъ гребнѣ, и въ результатѣ, высота находилась наполовину въ нашихъ рукахъ, наполовину въ германскихъ. Впослѣдствіи, полку неоднократно приходилось занимать эту позицію, и за всю войну не было случая, чтобы окопы противниковъ сходились на разстояніи, мѣстами не превышающее 40 шаговъ. Разстояніе это было настолько близкимъ, что артиллерія была лишена возможности стрѣлять изъ опасенія попасть въ свои же окопы. Часто наши солдаты переругивались съ нѣмцами и бросали въ нихъ камнями. Нѣмцы отвѣчали тѣмъ же. Иногда изъ ихъ окоповъ, особенно по вечерамъ, раздавались музыка и пѣніе.

На этихъ позиціяхъ широко начала практиковаться постройка землянокъ, ибо жилыя помѣщенія были далеко и въ недостаточномъ количествѣ. Нѣкоторыя землянки, искусствомъ солдатъ, были доведены до большей степени удобства и даже комфорта. Полки дивизіи регулярно мѣняли между собой участки позиціи. Наиболѣе тяжелымъ являлся участокъ, въ который входила высота 85,0.

9-го марта полку было сообщено радостное извѣстіе о взятіи войсками генерала Селиванова крѣпости Перемышля. Немедленно на нашихъ окопахъ появились плакаты, возвѣщавшіе противнику печальную для нихъ новость. Бѣшенная стрѣльба изъ пулеметовъ по этимъ плакатамъ была обыкновеннымъ отвѣтомъ нѣмцевъ. У насъ кричали ура, пѣли пѣсни и всячески выражали свой восторгъ.

Наступили, наконецъ, и свѣтлые дни Пасхи Христовой. Если не ошибаюсь, наша Пасха совпала въ этотъ годъ съ Пасхой у нѣмцевъ. Въ теченіи трехъ дней, ни одна изъ сторонъ не выпустила ни одного выстрѣла. Нѣмцы толпами, безъ оружія, выходили изъ окоповъ и гуляли вдоль нихъ.

По окончаніи третьяго дня, стрѣльба снова возобновилась. За время стоянки подъ Ломжей, мы потеряли убитыми двухъ офицеровъ, Мещеринова (Вячеслава) и Ермолова (Юрія). Оба были воспитанниками Лицея и прекрасные товарищи и офицеры. Смерть ихъ глубоко насъ всѣхъ опечалила. Ермоловъ былъ убитъ пулей, высунувшись неосторожно изъ окопа, а Мещериновъ погибъ, обходя позиціи и выскочивъ на секунду изъ хода сообщенія. Обѣ эти жертвы были въ моментъ пол-

наго затишья на позиціи. Аэропланы противника производили частые налеты на Ломжу и сброшенными бомбами причиняли большія разрушенія. Тыломъ одного изъ участковъ дивизіи являлась дер. Ковнаты, принадлежавшая помѣщику, имени котораго никто не помнилъ, и для краткости называемому просто паномъ Ковнатскимъ. Панъ Ковнатскій жилъ съ семьей въ своемъ небольшомъ и уютномъ помѣщичьемъ домѣ. Офицеры резервнаго баталіона помѣщались у него и всегда встрѣчали со стороны владѣльца очень радушное отношеніе. Близость позиціи мало смущала пана Ковнатскаго, и несмотря на всѣ наши уговоры, онъ твердо рѣшилъ не покидать Ковнатъ, находя, что никакой опасности ему не угрожаетъ. Однажды вечеромъ, наши тракторы везли на позиціи снаряды для тяжелой артиллеріи. Около самаго помѣщичьяго дома Ковнатъ, отъ неизвѣстной причины вспыхнулъ бензинъ и огонь скоро охватилъ повозки со снарядами. Снаряды стали рваться на дворѣ Ковнатскаго дома. Существенныхъ поврежденій нанесено не было, но тѣмъ не менѣе, офицеры рѣшили воспользоваться этимъ происшествіемъ, чтобы постараться убѣдить еще разъ пана Ковнатскаго выѣхать съ семьей въ Ломжу. Панъ со смѣхомъ намъ отвѣтилъ, что взрывы его ничуть не напугали и что наоборотъ, онъ находитъ, что все было очень весело.

Послѣ Пасхи, которую мы отпраздновали въ этомъ же гостепріимномъ домѣ, непріятельскіе аэропланы какъ-то особенно зачастили, и отъ ихъ взоровъ не скрылся Ковнатскій домъ съ его дворомъ, наполненнымъ солдатами и лошадьми. Покружившись надъ дворомъ и сбросивъ сверху разноцвѣтныя ленты, аэропланъ улетѣлъ. Я въ то время находился на позиціи

и, возвращаясь оттуда, былъ крайне удивленъ разрывами снарядовъ, доносившимися со стороны Ковнатъ.

Пріѣхавъ туда, я не засталъ уже ни самаго хозяина, ни его семьи. Солдаты мнѣ сказали, что они съ часъ, какъ забравъ наспѣхъ вещи, уѣхали въ Ломжу. Весь дворъ былъ въ воронкахъ отъ разорвавшихся снарядовъ и передній фасадъ дома стоялъ сильно испорченный, съ выбитыми стеклами. Больше Ковнатскаго пана мы не видѣли; кто-то разсказывалъ, что встрѣтилъ его въ Ломжѣ и что онъ собирался ѣхать въ Варшаву.

Офицеровъ отпускали по очереди въ отпускъ и я, воспользовавшись моей очередью, первый разъ съ начала кампаніи, поѣхалъ повидаться съ матерью и женой въ Петроградъ.

Вернувшись изъ отпуска, я, къ своему удивленію, узналъ, что полкъ смѣненъ на позиціи армейскими частями, и назначенъ къ погрузкѣ въ Бѣлостокѣ. 4-хъ мѣсячное сидѣніе подъ Ломжей было кончено и всѣ рѣшили, что насъ везутъ въ Галицію, на помощь отходившимъ подъ напоръ фаланги Макензена войскамъ юго-западнаго фронта.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Пока гвардія занимала позиціи подъ Ломжей и скучно и однообразно тянулись дни безконечнаго сидѣнія въ окопахъ, на лѣвомъ флангѣ фронта нашихъ Армій происходили событія первостепенной важности.

На высокихъ перевалахъ Карпатъ, по колѣно въ снѣгу, погибалъ цвѣтъ Русской Арміи. Естественныя преграды въ видѣ горныхъ вершинъ, лютая зима, недостатокъ снаряженія и снарядовъ остановили побѣдоносное продвиженіе полковъ въ долины Венгріи. Германцы, почуявъ всю грозившую имъ опасность, въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія Русской Арміи, поспѣшили на помощь своимъ ослабѣвшимъ союзникамъ — австрійцамъ.

Подъ командой одного изъ лучшихъ германскихъ военачальниковъ генерала - фельдмаршала Макензена, ими были сосредоточены отборныя части, въ число которыхъ входили гвардейскія дивизіи и баварцы, поддержанные могущественной артиллеріей крупныхъ калибровъ. Построивъ свои войска на подобіе громаднаго клина, Макензенъ началъ свое наступленіе.

Русская Армія, обезсиленная безконечными кровавыми боями на Карпатскихъ перевалахъ и лишенная сна-

рядовъ, послѣ первыхъ же боевъ, вынуждена была, подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, начать отступленіе. Медленно, шагъ за шагомъ, защищая каждую пядь земли, арміи отходили на востокъ. Превосходство непріятельской артиллеріи, особенно чувствительно давало себя знать. Германцы имѣли возможность засыпать наши войска снарядами, въ то время, какъ послѣднія должны были почти безъ выстрѣла выдерживать ихъ натискъ.

Въ серединѣ іюня гвардія была уже выгружена въ Холмѣ и начала постепенно приближаться къ линіи боевыхъ дѣйствій. 5-ое іюля былъ первымъ днемъ, въ которомъ нашъ полкъ принялъ активное участіе. Накануне, въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Красностава, въ небольшомъ лѣсу, полкъ былъ расположенъ въ резервѣ и ничего не подозрѣвалъ о томъ, какая кровавая баня предстоитъ ему на завтра. Приказъ о включеніи гвардіи въ составъ 3-ей арміи генерала Радко-Дмитріева только недавно былъ полученъ и изъ штаба арміи было дано распоряженіе держать насъ въ резервѣ.

4-го іюля, часовъ около 12 дня, я ѣздилъ верхомъ съ нѣсколькими офицерами въ Красноставъ, вблизи котораго происходилъ бой. Съ окраины города мы стали наблюдать за боемъ. Поражало насъ, прежде всего, почти полное отсутствіе стрѣльбы съ нашей стороны. 52-ая пѣхотная дивизія, утомленная послѣдними боями, сильно пострадавшая, безъ поддержки артиллеріи, не могла оказывать серьезнаго сопротивленія вооруженнымъ до зубовъ германцамъ. Уже днемъ части дивизіи проходили назадъ, отступая отъ Красностава. Прусская гвардія колоннами, имѣя музыку впереди, звуки

которой долетали до нашего расположенія, вступала въ оставленный нашими войсками Красноставъ, а полкъ все еще не получалъ боевого заданія. Подъ самый вечеръ пришло, наконецъ, приказаніе изъ штаба о назначеніи полка на завтра въ боевую линію.

Съ ранняго утра 5-го іюля на всемъ участкѣ, занятомъ полкомъ, закипѣлъ ожесточенный бой. На крайнемъ правомъ флангѣ полка находилась 14-я Его Высочества рота подъ командой шт.-капитана Холодовскаго, заслужившаго въ этомъ бою офицерскій Георгіевскій крестъ. Правѣй 14-ой роты находились части 52-ой дивизіи.

Около полудня шт.-кап. Холодовскій прислалъ донесеніе о томъ, что германцы накапливаются противъ его праваго фланга. Съ своей стороны я получилъ донесеніе отъ старшаго унтеръ-офицера Юдина, командовавшаго пулеметнымъ взводомъ при 14-ой ротѣ, съ просьбой доставить ему патроны и воду и также прислать людей для замѣны раненыхъ.

2-ая рота подъ командой поручика Зыбина и 2 пулемета были назначены командиромъ полка для усиленія участка 14-ой роты. Принимая во вниманіе серьезность положенія, я рѣшилъ съ разрѣшенія командира, отправиться лично на участокъ 14-ой роты. Узкой цѣпочкой 2-ая рота начала перебѣжками выбѣгать изъ деревни, въ которой былъ расположенъ штабъ полка и накапливаться вдоль дороги, ведущей къ позиціи 14-ой роты, прикрываясь со стороны противника высокой пшеницей. Пулеметы слѣдовали за первой полуротой. Не успѣли два-три отдѣленія выбѣжать изъ деревни, какъ непріятель, замѣтивъ наше передвиженіе, сосре-

доточилъ по окраинѣ деревни и вдоль всего пути нашего слѣдованія, убійственный огонь тяжелой и легкой артиллеріи. Отступать было нельзя и неся большія потери, 2-ая рота и мои пулеметы начали ползкомъ продвигаься впередъ. Зыбинъ и я слѣдовали за первымъ взводомъ. Жара была страшная. Іюльское солнце жгло немилосердно. По всему пути лежали трупы убитыхъ и изуродованныхъ солдатъ 52-ой дивизіи, занимавшихъ этотъ участокъ до прихода полка.

Двигались мы впередъ очень медленно. Пить хотѣлось смертельно и поэтому, доползши до шоссе, Зыбинъ и я, найдя въ выбоинѣ онаго немного грязной дождевой воды, съ удовольствіемъ выпили по нѣсколько глотковъ мутной, теплой жидкости.

Потери 2-ой роты по мѣрѣ продвиженія впередъ все увеличивались, такъ какъ непріятель неотступно забрасывалъ насъ снарядами. Раненый въ животъ, солдатъ 2-ой роты, съ искаженнымъ отъ боли лицомъ, пробѣжалъ мимо насъ, крича во все горло, чтобы его пристрѣлили.

Медленно, но вѣрно, мы продолжали продвигаться.

Бой закончился къ вечеру и ночью, во исполненіе приказа свыше, полкъ отошелъ на новыя позиціи. Больше всѣхъ отличилась въ этомъ бою 14-ая рота и пулеметный взводъ, который былъ ей приданъ. Малѣйшія попытки германцевъ, обойти нашъ правый флангъ прекращались огнемъ пулеметовъ Юдина, выпустившихъ за этотъ день свыше 10 000 патроновъ.

Со дня этого боя полкъ не зналъ отдыха, вплоть до прихода въ Брестъ-Литовскъ, въ первыхъ числахъ августа. Бои слѣдовали одинъ за другимъ. Обыкновенно

день или два полкъ стоялъ на какой-нибудь позиціи, затѣмъ ночью покидалъ позицію, совершалъ небольшой переходъ и съ разсвѣтомъ останавливался на новой позиціи. Нерѣдко, едва успѣвъ вырыть небольшіе окопы для стрѣльбы, мы уже замѣчали на горизонтѣ неотступно слѣдовавшаго за нами непріятеля. Потери понесенныя полкомъ за эту, такъ называемую «Холмскую операцію», были очень велики, а утомленіе людей — чрезмѣрнымъ. Наша артиллерія, лишенная снарядовъ, стрѣляла изрѣдка въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Ружейныхъ патроновъ въ частяхъ гвардіи хватало, но изъ сосѣднихъ армейскихъ частей передавали, что и въ нихъ бывалъ недостатокъ. Нѣмцы остановившись противъ нашихъ позицій, подтягивали тяжелую артиллерію и открывали по нашему расположенію безпрерывный ураганный огонь. Подъ прикрытіемъ этого огня, непріятельская пѣхота занимала разрушенные окопы, а наши войска продолжали свой отходъ.

Отходъ происходилъ планомѣрно и въ большомъ порядкѣ. Ни плѣнныхъ, ни раненыхъ мы за собой не оставляли. Мѣстность, черезъ которую проходили наши войска, была предана огню. Сжигались деревни, скирды съ хлѣбомъ, а скотъ либо уничтожался, либо угонялся вслѣдъ за войсками. Очень часто во время ночныхъ отступленій полку приходилось двигаться черезъ корридоръ, окруженный горящими скирдами и домами, насколько хваталъ глазъ. Дымъ отъ пожара бывалъ настолько великъ, что 17-го іюля, въ бою подъ Рейовцемъ, Рейовецкая долина была заполнена дымомъ. Германскія передовыя части наткнулись на наши окопы, ничего не подозрѣвая о нашемъ присутствіи, а одна германская батарея встала изъ-за дыма на совер-

шенно открытой позиціи и простымъ глазомъ были видны орудія съ суетящимися вокругъ нихъ прислугой.

Зрѣлище отъ этихъ пожаровъ было грандіозное и незабываемое. Огнемъ безпощадно уничтожались цѣлѣе цвѣтущіе районы. Населеніе выгонялось съ насиженныхъ мѣстъ и должно было бѣжать въ глубь Россіи, погибая по дорогѣ отъ голода и эпидемій. Самая жестокая и безсмысленная страница войны начиналась. Ни въ чемъ неповинные мирные жители, забравъ съ собой лишь самыя необходимыя вещи, бѣжали безъ оглядки назадъ. Обозы ихъ нерѣдко попадались между нашими и германскими линіями, и тогда этимъ несчастнымъ приходилось къ довершенію всѣхъ бѣдъ, испытать на себѣ стрѣльбу артиллеріи.

Наиболѣе ожесточенные бои происходили подъ Рейовцемъ и Петриловымъ. Самымъ тяжелымъ былъ бой подъ Петриловымъ 27-го іюля. Въ исторіи полка онъ отмѣченъ, какъ одинъ изъ самыхъ кровавыхъ. Потери полка въ этомъ бою превышали 800 человѣкъ. Непріятельская тяжелая артиллерія совершенно разрушила окопы, занятые 3-ей ротой и погребла подъ ихъ развалинами большую часть защитниковъ. Въ этомъ обстрѣлѣ принимали участіе 9-ти дюймовыя орудія, подвезенныя германцами.

Петриловскій бой былъ послѣднимъ изъ серьезныхъ боевъ этого періода и, измученныя, съ сильно порѣдѣвшими рядами, войска гвардіи были оттянуты къ Брестъ-Литовску. За эти бои полкъ понесъ въ офицерскомъ составѣ слѣдующія потери: убитыми — поручика Бюцова 2-го, прапорщ. Лопухина и прапорщ. Гессе, кромѣ раненыхъ. Невѣста Бюцова, сестра Масленникова, до-

ставила трупъ своего жениха въ Петроградъ, гдѣ онъ былъ преданъ землѣ. Полкъ заслужилъ много лестныхъ отзывовъ о своей работѣ, но слишкомъ дорогой цѣной была заслужена эта благодарность. Многихъ горячо любимыхъ товарищей мы уже не досчитывали въ своихъ рядахъ, а конца войны еще не было и видно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ Брестъ-Литовскѣ полкъ былъ погруженъ въ поданные эшелоны и отправленъ снова на Сѣверъ. Полковой праздникъ 6-го августа полкъ провелъ въ вагонахъ. Выгрузили полкъ въ Вильно, и въ мѣстности, называемой «Кальваріей», на окраинѣ города, расположенной въ живописномъ лѣсу, полкъ сталъ на отдыхъ. 4-5 дней продолжался всего резервъ. Печальныя извѣстія о паденіи Ковно и о приближеніи германцевъ къ Вильно дошли до насъ. Надежда на длительный отдыхъ была потеряна. Гвардіи не дали залѣчить, нанесенныя ей подъ Холмомъ раны и на этотъ разъ судьба включила насъ въ составъ 10-й арміи генерала Родкевича, прикрывавшей Вильно. Противъ 10-й арміи дѣйствовала также 10-я германская армія, подъ командой Эйхгорна, впослѣдствіи фельдмаршала и главнокомандующаго оккупаціонной арміей на Украинѣ.

Первымъ переходомъ полкъ достигъ знаменитаго имѣнія «Верки» со своимъ историческимъ замкомъ, принадлежавшаго кн. Витгенштейнъ и перешедшаго затѣмъ въ родъ кн. Гогенлоэ. Много цѣнныхъ предметовъ искусства и мебели удалось заблаговременно оттуда вывезти, но многое осталось на мѣстѣ къ моменту очищенія Вильно нашими войсками.

Паденіе Ново-Георгіевска и Ковно, — двухъ крѣпостей, считавшихся наиболѣе сильными, произвело тягостное впечатлѣніе. Говорили, что причины паденія — недостаточность вооруженія ихъ, плохія боевыя качества гарнизоновъ и многое другое, еще болѣе грустное. Какъ бы то ни было, но германцы быстро продвигались на Вильно и порѣдѣвшимъ усталымъ частямъ гвардіи съ минимальнымъ запасомъ снарядовъ надлежало преградить имъ дорогу.

13-го августа 1-я гвардейская пѣхотная дивизія вошла въ соприкосновеніе съ передовыми частями противника. 5-ая германская кавалерійская дивизія, занявъ широкій фронтъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней задерживала своими спѣшенными частями наше продвиженіе ожидая подхода своей пѣхоты.

19-го августа, полкъ подошелъ къ Гудулинской высотѣ, прочно занятой пѣхотой противника. На разсвѣтѣ 20-го августа, былъ полученъ приказъ взять эту высоту. Ровно черезъ годъ послѣ участія полка въ первомъ бою, на долю его выпало самое тяжелое испытаніе за всю войну. Отчаянно храбро, съ первыми проблесками зари, баталіоны полка кинулись въ атаку. Первоначально удалось достигнуть крупнаго успѣха. Первый баталіонъ, подъ командой доблестнаго Баранова, очутился въ окопахъ противника. Самъ онъ палъ во время атаки и часъ спустя я видѣлъ, какъ солдаты бережно несли въ полотнищѣ отъ палатки его мертвое тѣло. Командующій Его Величества ротой, подпор. Дедюлинъ, погибъ въ самомъ окопѣ на штыкахъ германцевъ. Германцы защищались отчаянно. Потери баталіона были огромны. Весь офицерскій составъ былъ выбитъ, и въ командованіе баталіономъ вступилъ, по

своей инициативѣ, старшій телефонистъ баталіона, которому удалось связаться съ командиромъ полка и получить отъ него распоряженія. 9-ая рота, подъ командой пор. Стороженко, обойдя Гудулинъ, нѣсколько лѣвѣй, зашла далеко вглубь расположенія противника. Оторванная отъ своихъ, она сдѣлалась жертвой спѣшившихъ колоннами на выручку резервовъ германцевъ. Большая часть роты погибла въ неравномъ бою. Остальные, и въ томъ числѣ, тяжело раненый въ ногу, Стороженко, попали въ плѣнъ къ противнику. 4-ый баталіонъ, наступавшій правѣй перваго, попалъ въ топкое болото и понесъ громадныя потери отъ сосредоточеннаго огня непріятеля. «Le combat finit, faute de combattants.»

Отъ перваго баталіона осталось, къ концу боя, 125 человѣкъ, безъ единаго офицера. Отъ 4-го — 208, при одномъ офицерѣ, прап. Бенуа. 9-ая рота фактически не существовала. Общія потери полка достигли 1 300 человѣкъ.

Въ спѣшномъ порядкѣ былъ вытребованъ резервъ, и баталіонъ Егерскаго полка успѣлъ развернуться и огнемъ задержать наступавшихъ на остатки полка германцевъ. Не подойди во-время Егеря, полковое знамя, совмѣстно со штабомъ полка, могло бы достаться противнику, такъ какъ защитниковъ его почти не оставалось. Несмотря на страшныя потери, полкъ продолжалъ занимать боевой участокъ, и въ ночь послѣ боя, я потерялъ лучшаго солдата моей команды, подпрап. Ефима Крайнова. До сего дня, точно не извѣстно, какимъ образомъ онъ погибъ. Поздно вечеромъ я послалъ его съ 5-ью солдатами смѣнить уставшихъ за день, номеровъ у пулеметовъ 2-го взвода. Расположе-

ніе, какъ нашихъ частей, такъ и частей противника, было не совсѣмъ ясно. По словамъ бывшихъ съ нимъ солдатъ, они ошиблись направленіемъ и наткнулись на постъ противника, который открылъ по нимъ огонь. Они бросились назадъ въ разсыпную. Крайновъ бѣжалъ послѣднимъ и больше его никто не видѣлъ. Кавалеръ всѣхъ четырехъ степеней солдатскаго георгіевскаго креста и трехъ медалей за храбрость, Крайновъ, въ многочисленныхъ тяжелыхъ бояхъ, всегда являлъ собой примѣръ безстрашія и самоотверженія. Изъ молодыхъ, недавно прибывшихъ въ полкъ офицеровъ, въ этой атакѣ былъ убитъ подп. Зуевъ, двоюродный братъ нашего бывшаго полкового адъютанта. Тѣло его осталось у непріятеля и германцы, снявъ съ него верхнюю одежду, въ теченіи нѣсколькихъ дней, оставили тѣло лежать безъ погребенія, на виду у нашихъ солдатъ.

Въ послѣднихъ числахъ августа, въ связи съ общей обстановкой на фронтѣ, 10-ая армія стала постепенно отходить на Вильно. Происходили кровопролитные, ежедневные бои. Наши сосѣди, части Заамурской дивизіи, имѣли по одной винтовкѣ на двухъ стрѣлковъ и ходили въ бой, подбирая у убитыхъ недостающія винтовки. Недостатокъ въ патронахъ и особенно въ снарядахъ, былъ чрезвычайно острымъ. Измученные боями, обезсиленные громадными потерями, не имѣя за собой поддержки артиллеріи, нѣкоторыя изъ гвардейскихъ частей начинали терять свою стойкость, и винить ихъ въ этомъ нельзя было. Все, что могли сдѣлать люди, они сдѣлали.

31-го августа наступилъ для полка еще одинъ тяжелый день. Полкъ только что задержался на новой позиціи, послѣ упорныхъ предыдущихъ боевъ. Отходить

приходилось днемъ, во время боя, дабы избѣжать окруженія, преслѣдуемые по пятамъ противникомъ. Артиллерія, приданная полку, прикрывала отходъ нашихъ цѣпей, геройски оставаясь на своихъ позиціяхъ и встрѣчая картечью наступавшихъ германцевъ, послѣ чего. перекатами, отъѣзжала по-взводно назадъ, продолжая все время рѣдкій огонь изъ послѣдняго запаса снарядовъ.

Въ этотъ, печальный по своимъ воспоминаніямъ, вечеръ, полная тишина царила на фронтѣ. Командиръ полка, полк. адъютантъ Малевскій-Малевичъ и я, довольные небольшой передышкой, оживленно бесѣдовали, сидя въ маленькомъ домикѣ, вблизи позиціи, и обѣдали. Вечернюю тишину неожиданно прорѣзалъ звукъ разрыва двухъ тяжелыхъ снарядовъ. Удивившись этому, но не придавая этому особеннаго значенія, мы продолжали свой обѣдъ, какъ вдругъ въ дверяхъ появился дежурный телефонистъ штаба полка и, прерывающимся голосомъ доложилъ, обращаясь къ командиру: «Ваше Сіятельство, ихъ Сіятельство», и больше говорить не могъ отъ сильнаго волненія. Безъ словъ, мы поняли, что то, что казалось неизбѣжнымъ, случилось.

Передъ наступленіемъ темноты, мимо нашего дома проносили безжизненное тѣло доблестнаго Преображенца, командира 4-го баталіона; общаго любимца, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, полковника графа Литке. Всѣ качества выдающагося боевого офицера, водившаго неоднократно къ побѣдѣ любимый имъ баталіонъ, прекраснаго товарища, добраго и отзывчиваго человѣка, рыцаря по убѣжденіямъ и по природѣ, соединялись въ этомъ имени. Обходя окопы, онъ былъ застигнутъ разрывомъ тѣхъ двухъ тяжелыхъ снарядовъ,

который мы слыхали. Его нашли въ воронкѣ, образовавшейся отъ взрыва, безъ единаго увѣчья на тѣлѣ. Вмѣстѣ съ нимъ погибъ прикомандированный къ полку, Кавалергардскаго полка, корнетъ Оржевскій, и скончался по дорогѣ на перевязочный пунктъ гвардейскій саперъ князь Голицынъ, сопровождавшій графа Литке въ обходѣ позиціи. Изъ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ полкомъ, эта была одна изъ наиболѣе тяжелыхъ. Солдаты его батаіона были не менѣе опечалены, чѣмъ офицеры и много разъ приходилось слышать изъ простыхъ солдатскихъ устъ благоговѣйные отзывы о своемъ погибшемъ командирѣ. На слѣдующій день послѣ этой невозградимой потери, полкъ былъ оттянутъ съ боевой линіи, и всталъ бивуаками у самой Вильны.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Если не ошибаюсь, 3-го сентября, часовъ въ 5 вечера, пришло приказаніе приготовиться къ выступленію. Всѣ рѣшили почему-то, что наша судьба — снова идти въ бой, но, къ нашему удивленію, командиръ повелъ полкъ въ противоположное отъ фронта направленіе. На лицо въ строю оставалось 16 офицеровъ, а со штабомъ полка и обозами — 22. Число солдатъ не многимъ превышало 1 000 человѣкъ.

Командиръ приказалъ свести весь полкъ въ два сводныхъ баталіона, и въ такомъ видѣ полкъ двинулся походнымъ порядкомъ, минуя Вильно. Безъ единаго большого привала, почти до полудня, на слѣдующій день, полкъ находился въ безпрерывномъ движеніи. По узкой, лѣсной дорогѣ, вся дивизія шла съ артиллеріей и обозами. Съ трехъ сторонъ безпрерывно вспыхивали въ воздухѣ яркія ракеты германцевъ. Командиръ, сохраняя свое обычное хладнокровіе, ѣхалъ впереди главныхъ силъ полка и лишь иногда полу-шутя и полу-серьезно показывалъ офицерамъ, ѣхавшимъ съ нимъ, на окружавшаго насъ съ трехъ сторонъ противника, говоря, что если намъ не удастся пройти за ночь по единственному свободному пути, то намъ не миновать Потсдама, такъ въ шутку называли мы въ полку плѣнъ. Выяснилось, что пока мы сражались подъ Вильно, гер-

манская кавалерія прорвала нѣсколько сѣвернѣе Вильно нашъ фронтъ, занятый частями кавалеріи и совершила глубокій рейдъ въ тылъ нашей арміи. Отдѣльные разъѣзды противника появились уже вблизи Молодечно и въ виду этого было приказано въ спѣшномъ порядкѣ оттянуть наши войска назадъ. Полкъ прошелъ этотъ безпримѣрный ночной переходъ въ 52 версты, не потерявъ ни одного отсталаго.

Въ районѣ Солы полкъ сталъ на позиціи. Противникъ активности не проявлялъ, а прорывъ германской кавалеріи былъ тѣмъ временемъ ликвидированъ. Стойкость фронта была возстановлена и измученныя части гвардіи были смѣнены армейскими частями и отведены для отдыха и пополненія въ районъ громаднаго села Дуниловичи, въ тылу мѣст. Поставы.

По дорогѣ къ мѣсту резерва, полкъ былъ встрѣченъ въ одной изъ деревень пришедшимъ пополненіемъ изъ Петрограда. Маршевыя роты были выстроены во фронтъ и отдавали честь героямъ Холма и Вильно. Молодые солдаты съ гордостью смотрѣли на своихъ старшихъ, закаленныхъ въ бояхъ, товарищей, на груди которыхъ у многихъ красовались столь дорогія георгіевскія отличія.

Въ районѣ Дуниловичей, въ громадныхъ лѣсахъ, все еще болтались одиночные, небольшіе разъѣзды германской кавалеріи, отставшіе отъ своихъ главныхъ силъ. Доведенные холодомъ и голодомъ до отчаянія, они приходили въ сосѣднія деревни и сдавались въ плѣнъ. Много труповъ ихъ осталось лежать въ глубокихъ снѣгахъ, и весною крестьяне находили ихъ, умершими отъ истощенія и замерзанія.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Врядъ ли за все время кампаніи было болѣе скучное время, чѣмъ стоянка подъ Дуниловичами. Цѣлыхъ три мѣсяца полкъ простоялъ тамъ, разбросанный по небольшимъ, грязнымъ деревушкамъ. Грязь на улицахъ была страшная. Нечего было и думать о веденіи какихъ-либо серьезныхъ занятій въ полѣ, и солдаты большей частью занимались по избамъ. Рѣдко, въ случайный хорошій день удавалось заниматься на свѣжемъ воздухѣ и поэтому съ великой радостью было встрѣчено извѣстіе о предстоящей переброскѣ гвардіи въ Галицію. До ст. Жмеринки полкъ былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ, а оттуда пошелъ походнымъ порядкомъ до Подволочиска, гдѣ снова сталъ въ резервѣ, въ районѣ Скорико—Медынь.

Большія и чистыя галиційскія деревни, прекрасныя шоссе и сравнительно мягкій климатъ дѣлали эту стоянку очень пріятной. По дорогѣ въ Тарнополь лежали развалины стариннаго замка Токи, по преданію принадлежавшій князьямъ Вишневецкимъ, и въ стѣнахъ котораго происходили свиданія красавицы Марины Мнишекъ съ первымъ Лже-Димитріемъ.

4-го февраля 1916 года я былъ вызванъ срочно въ Петроградъ, полученіемъ грустной телеграммы, съ извѣстіемъ о кончинѣ моей матери. Командиръ полка, Свиты Его Величества ген.-майоръ А. А. Дрентельнъ, недавно смѣнившій получившаго назначеніе на долж-

ность начальника штаба гвардейскаго корпуса графа Игнатьева, немедленно разрѣшилъ мнѣ ѣхать въ Петроградъ.

Пробывъ нѣкоторое время въ Петроградѣ, я вернулся въ полкъ, который нашелъ на новой стоянкѣ у мѣст. Прели, неподалеку отъ Двинска. На этой стоянкѣ полкъ простоялъ до поздней весны. Укомплектованіе полка было закончено. Раны нанесенныя подъ Холмомъ и Вильно, были забыты, и снова, въ сознаніи своей мощи, полкъ ждалъ приказа покинуть наскучившій уже изрядно резервъ и идти въ бой.

Пасху встрѣтили въ Преляхъ. Въ большомъ стодолѣ разукрашенномъ хвойными вѣтвями, была отслужена заутреня. Въ моментъ, когда крестный ходъ обходилъ стодолъ, съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе», германская тяжелая артиллерія изъ-за Двины потрясла воздухъ залпами, придавая Свѣтлому Празднику какой-то особенный, небанальный оттѣнокъ.

Съ юга стали доходить радостныя извѣстія о громкихъ побѣдахъ юго-западнаго фронта. Знаменитое наступленіе Брусилова развивалось, и сотни тысячъ плѣнныхъ австрійцевъ запрудили тыловыя дороги нашихъ побѣдоносныхъ армій. Русскій богатырь, какъ въ сказкѣ, стряхнувъ съ себя зимнюю спячку, всталъ во весь свой могучій ростъ и сталъ наносить ошеломленному врагу ударъ за ударомъ. Неудачи осени 1915 года были забыты. Мысли всѣхъ были съ войсками генерала Брусилова. Цыфра плѣнныхъ превысила 400 000 и знакомое уже по началу войны чувство, что гвардіи не удастся принять участія въ этой рѣшительной побѣдѣ надъ австрійцами появилось у офицеровъ. Переброска подъ Молодечно быстро разсѣяло это чувство.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Подъ Молодечно гвардія простояла нѣкоторое время, послѣ чего была снова погружена и отправлена на Луцкое направленіе. Говорили, что наше командованіе хотѣло нанести врагу сильный ударъ къ западу отъ Молодечно, но въ связи съ измѣнившейся обстановкой на юго-западномъ фронтѣ, это рѣшеніе было измѣнено. Между Стырью и Стоходомъ продолжались кровавые, упорные бои. На помощь разгромленнымъ австрійцамъ спѣшили германцы и ихъ свѣжими частями наше наступленіе постепенно захлебнулось на болотистыхъ берегахъ Стохода. Къ этому періоду боевъ и подоспѣла гвардія.

Нѣсколько мѣсяцевъ стоянки въ резервѣ, дали возможность гвардейскимъ частямъ привести себя въ блестящее состояніе. Многочисленные раненые, закаленные въ бояхъ 1915 года, вернулись обратно въ строй и молодые, необстрѣлянные солдаты горѣли желаніемъ не отстать отъ своихъ старшихъ товарищей. Духъ у всѣхъ былъ превосходный. Выучка и дисциплина не оставляли желать лучшаго. Первая и вторая гвардейскія пѣхотныя дивизіи были включены въ составъ 1-го гвардейскаго корпуса, третья гвардейская пѣхотная дивизія и гвардейская Стрѣлковая бригада вошли въ составъ 2-го гвардейскаго корпуса. Оба корпуса, сов-

мѣстно съ гвардейской кавалеріей, были объединены въ особый отрядъ, которымъ командовалъ ген.-адъютантъ Безобразовъ. 1-мъ гвардейскимъ корпусомъ командовалъ Е. И. В. Великій Князь Павелъ Александровичъ, 2-мъ гвардейскимъ корпусомъ — ген.-лейт. Раухъ. Полки были доведены до максимальной численности, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ наличное число солдатъ въ ротахъ превышало штатъ. Всѣ данные были за то, что этотъ мощный, отборный отрядъ, будетъ использованъ съ надлежащимъ искусствомъ и умѣніемъ, и что онъ достигнетъ рѣшительныхъ результатовъ.

Полки прошли полуразрушенное Рожище и встали за Стырью, ожидая часа вступленія въ бой. На этой стоянкѣ, въ послѣднихъ числахъ іюня, командиръ полка назначилъ меня командующимъ 14-ой Его Высочества ротой, а шт.-кап. Холодовскій получилъ назначеніе командовать ротой Его Величества. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія разстался я со своей пулеметной командой. Почти полныхъ два года радостныхъ и тяжелыхъ боевыхъ испытаній я командовалъ этой прекрасной частью.

15-го іюля былъ первый бой, въ которомъ гвардія приняла участіе въ этотъ періодъ операцій на Стоходѣ. Преображенскому полку было дано заданіе взять дер. Раймѣсто, расположенную почти у самаго берега рѣки. Правѣй насъ наступали Егеря, лѣвѣе — лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ. Дорога, ведущая изъ колоніи Немѣръ, нашего ближайшаго тыла, въ дер. Раймѣсто служила границей боевыхъ участковъ нашего и Финляндскаго полковъ. Въ первую линію пошли 1-ый и 2-ой баталіоны полка, подъ командой своихъ испытанныхъ боевыхъ командировъ, кап. Веденяпина и кап. Куте-

пова. 4-ый баталіонъ долженъ былъ поддерживать атаку 1-го. Свыше версты топкаго болота, съ параллельными фронту многочисленными и глубокими канавами, наполненными водой, надлежало наступающимъ частямъ пройти до проволочныхъ загражденій, въ изобиліи окружавшихъ подступы къ Раймѣсту. Тяжелая артиллерія была массирована на другомъ участкѣ фронта, и полку пришлось наступать, пользуясь поддержкой лишь легкихъ орудій и нѣсколькихъ мортиръ. Результаты этой артиллерійской подготовки были ничтожны. Проволочныя загражденія и блиндажи Раймѣста, за небольшимъ исключеніемъ, сохранились въ полной неприкосновенности, какъ намъ пришлось лично въ томъ убѣдиться, занявъ на слѣдующее утро оставленное ночью противникомъ Раймѣсто. Не впервые полку было идти впередъ безъ поддержки артиллеріи, и смѣло бросились роты въ атаку, навстрѣчу губительному огню противника. Раннимъ утромъ первой жертвой палъ молодой офицеръ, только недавно пріѣхавшій на пополненіе полка, графъ Велепольскій. 4-ый баталіонъ, по мѣрѣ выдвиженія впередъ 1-го и 2-го, сталъ занимать оставленные ими окопы нашей первой линіи.

Не успѣлъ я съ ротой занять предназначенный мнѣ участокъ, какъ получилъ приказаніе отъ полк. Шульгина (командира 4-го баталіона), выйти изъ окоповъ и начать наступленіе на Раймѣсто, въ полной связи съ 1-мъ баталіономъ и служа ему ближайшей поддержкой. Пославъ увѣдомленіе кап. Веденяпину, что я поступаю въ его распоряженіе, я приказалъ взводамъ выходить впередъ. Взводы стали быстро выбѣгать изъ окоповъ и занимать первый, указанный мной, рубежъ. По его занятіи, я началъ медленное продвиженіе перебѣжками на

слѣдующую позицію. Цѣлый рой пуль несся намъ навстрѣчу изъ Раймѣста и увидя неподалеко лежащія цѣпи 1-го баталіона, я остановилъ роту и приказалъ окопаться.

Непріятельская артиллерія, замѣтивъ нашъ выходъ, сосредоточила на насъ свой огонь. Нѣсколько часовъ подрядъ безконечное количество снарядовъ рвалось вблизи расположенія моихъ цѣпей. На наше счастье, непріятель взялъ прицѣлъ чуть дальше, и благодаря этому, я избѣжалъ большихъ потерь. Общее количество раненыхъ достигло всего 17 человѣкъ.

Занявъ выбранное мною мѣсто для командованія боевымъ участкомъ, я немедленно почувствовалъ невѣроятно тяжелый трупный запахъ въ непосредственной близости. Послѣ небольшихъ усилій, я отыскалъ причину этого запаха. Въ высокой травѣ, въ двухъ шагахъ отъ меня, лежалъ совершенно разложившійся австріецъ. Крѣпкіе, хорошіе ботинки на его ногахъ были настолько близки отъ меня, что я могъ тронуть ихъ рукой. Тѣло его было все изъѣдено червями и лишь лоскутки мундира нѣсколько прикрывали этотъ кишащій насѣкомыми и червями трупъ. Лицо было также на половину съѣдено, и дико странно смотрѣлъ на меня одинъ уцѣлѣвшій глазъ. Сосѣдство было не изъ пріятныхъ; уйти же я не имѣлъ возможности, поэтому, крикнувъ ближайшему солдату, чтобы онъ мнѣ бросилъ свою лопату, я сталъ забрасывать своего сосѣда землей. Послѣ упорнаго труда, мнѣ удалось настолько закрыть его землей, что запахъ прекратился и я могъ спокойно оставаться на своемъ посту. Во избѣжаніе напрасныхъ потерь, я рѣшилъ двигаться впередъ лишь въ случаѣ дальнѣйшаго продвиженія 1-го баталіона.

Съ темнотой, бой сталъ постепенно замирать. Наши цѣпи, несмотря на убійственный огонь чеховъ, занимавшихъ Раймѣсто, дошли до перваго ряда проволочныхъ загражденій. Принимая во вниманіе тяжелыя потери, понесенныя 1-мъ и 2-мъ баталіономъ и не желая, безъ поддержки артиллеріи рисковать атакой самаго Раймѣста, командиръ полка приказалъ остановиться на занятой позиціи. Весь вечеръ и первую половину ночи чехи безпрерывно насъ обстрѣливали. На нашей сторонѣ наступила тишина, прерываемая лишь стонами многочисленныхъ раненыхъ, лежащихъ на полѣ сраженія. Ни разу за все время войны мнѣ не приходилось слышать такихъ страшныхъ стоновъ, какъ на этомъ проклятомъ болотѣ. Раненые, лежа сплошь и рядомъ въ водѣ, покрытые густой травой, стонами давали знать санитарамъ о своемъ мѣстонахожденіи. Этотъ кошмаръ продолжался до самаго утра. По требованію Веденяпина, я послалъ два взвода моей роты помогать выносить раненыхъ. Чехи, замѣтивъ съ нашей стороны движеніе, усилили свой огонь, мѣшая этимъ уборкѣ раненыхъ.

Развѣдчики донесли, что въ Раймѣсто все тихо, и что, повидимому, противникъ за ночь ушелъ. Осторожно стали подвигаться наши цѣпи впередъ и дѣйствительно нашли пустое Раймѣсто. Когда разсвѣло, полк. Шульгинъ прислалъ мнѣ приказаніе присоединиться обратно съ ротой къ баталіону. Узкими цѣпочками я сталъ выводить роту изъ Раймѣста. Непріятельская артиллерія изъ-за Стохода пустила по мнѣ нѣсколько снарядовъ, которые разорвались съ большей точностью, но, въ виду узкости фронта, потерь не причинили. Прибывъ къ баталіону, я узналъ грустное извѣстіе о тяже-

лыхъ вчерашнихъ потеряхъ. Гордость полка, отчаянно смѣлаго Веревкина, возвращавшагося съ перевязки обратно въ строй, убило разрывомъ тяжелаго снаряда. Подпоруч. Меккъ и Клюпфель и свыше 500 солдатъ кровью своей вписали новыя славныя страницы въ исторію полка. Обходя днемъ поле сраженія, я видѣлъ цѣлые ряды доблестныхъ нашихъ солдатъ, скошенныхъ пулеметами противника во время вчерашняго наступленія. По 10-15 человѣкъ лежали они, крѣпко держа въ окоченѣвшихъ рукахъ винтовку или лопату. Большинство было убито пулями въ голову и смерть наступала моментально. Особенно много ихъ лежало около береговъ этихъ небольшихъ продольныхъ канавъ, о которыхъ я упомянулъ выше.

Потери Финлядцевъ превышали наши и достигали 2 000 человѣкъ. Какъ передавали впослѣдствіи, общее число потерь гвардіи за эти дни боевъ на Стоходѣ превысили 32 000 человѣкъ.

Результаты достигнутые этимъ наступленіемъ и нѣсколько германскихъ орудій, взятыхъ 2-мъ гвардейскимъ корпусомъ, врядъ ли могли компенсировать эти чудовищныя потери. Подготовка нѣсколькихъ мѣсяцевъ стоянки въ резервѣ была сведена на нѣтъ. Отъ гордыхъ, многотысячныхъ полковъ, выступвашихъ въ бой 15-го іюля, оставалось въ нѣкоторыхъ частяхъ немного болѣе половины.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

По всему было видно, что затишье на фронтѣ временное. У насъ поговаривали о новомъ наступленіи, противникъ занимался укрѣпленіемъ своихъ позицій. Большое количество аэроплановъ вылетало ежедневно, главнымъ образомъ, по утрамъ, съ непріятельской стороны и сбрасывали на наши тылы многочисленныя бомбы. Особенно пострадало мѣст. Рожище отъ неоднократныхъ налетовъ и жертвы въ немъ исчислялись десятками.

Центръ будущихъ операцій перемѣщался ближе къ Владимірѣ-Волынску, въ виду чего, части спѣшенной гвардейской кавалеріи смѣнили нашу дивизію на позиціи у Раймѣста. Первоначально предполагалось нанести ударъ противнику въ районѣ колоніи Янувкѣ Около мѣсяца полкъ простоялъ на этой позиціи, причемъ свыше были даны опредѣленныя инструкціи разработать весь участокъ, занятый полкомъ, для предстоящаго наступленія. Цѣлыя ночи напролетъ роты занимались выкапываніемъ новыхъ параллелей. Медленно, но вѣрно работа по устройству плацдарма подвигалась впередъ. Противникъ сидѣлъ тихо, оградившись отъ насъ нѣсколькими рядами проволоки, и только артиллерія его безпрерывно обстрѣливала наше расположеніе.

Выбравъ непонравившійся ему почему-либо участокъ нашихъ позицій, иногда втеченіе нѣсколькихъ часовъ

подрядъ, непріятель начиналъ гвоздить такъ называемыми «чемоданами» или тяжелыми снарядами, которыхъ у него было въ изобиліи. Р. Стоходъ находилась въ тылу нашихъ позицій и вся мѣстность, лежащая между передовыми линіями и резервными частями, представляла изъ себя сплошное болото. Многочисленные, неубранные трупы, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ солдатъ, лежали разбросанными на болотѣ, закрытые отъ взоровъ высокой травой, и лишь терпкій, дурманящій трупный запахъ, доносившійся съ болота, особенно чувствительный по вечерамъ, напоминалъ объ ихъ присутствіи. Съ темнотой, нерѣдко на болотѣ появлялись небольшіе блуждающіе огоньки. Суевѣрнымъ людямъ казалось, что это души убитыхъ солдатъ, которые не могутъ найти себѣ покоя, лишенныя христіанскаго погребенія.

Большая братская могила русскихъ солдатъ, занимавшихъ эту позицію до нашего прихода, находилась около костела колоніи Янувки. Нѣсколько сотъ человѣкъ спало въ ней послѣднимъ сномъ. Самъ костелъ былъ повержденъ артиллеріей противника, и въ полуразрушенномъ склепѣ лежали въ гробахъ ясновельможныъ паны со своими женами и дѣтьми, вѣроятно, бывшіе владѣльцы этой мѣстности. Сухой воздухъ подземнаго склепа предохранилъ тѣла ихъ отъ окончательнаго разрушенія и странно было видѣть этихъ, сравнительно хорошо сохранившихся покойниковъ, одѣтыхъ въ костюмы 17-го и 18-го вѣка.

Работы по сооруженію плацдарма близились къ концу, и вопросъ объ атакѣ полкомъ впереди лежащаго, сильно укрѣпленнаго лѣса, считался рѣшеннымъ. Помня горькій опытъ недавняго боя у Раймѣста, никто

больше не разсчитывалъ на содѣйствіе со стороны нашей артиллеріи и потому готовились къ наступленію очень серьезно.

Въ виду предстоящихъ исключительныхъ трудностей по преодолѣнію загражденій противчика, вновь назначенный командиромъ 4-го баталіона капитанъ Кузьминъ не рисковалъ взять на себя отвѣтственность назначенія ротъ передней линіи и предоставилъ всѣмъ четыремъ ротнымъ командирамъ тянуть жребій, кому идти впередъ. Лыщинскому, командовавшему 15-ой ротой и мнѣ, достался жребій начинать атаку. Во время этихъ приготовленій, пришло извѣстіе, сильно всѣхъ обрадовавшее, объ объявленіи Румыніей войны Австріи и Германіи. Къ сожалѣнію, Румынская армія не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ и нашимъ войскамъ пришлось вскорѣ выступить на поддержку новаго союзника, дабы спасти его отъ разгрома.

Велико было наше изумленіе, когда вмѣсто ожидаемой атаки, пришло приказаніе передать позицію другимъ полкамъ, а насъ снова отвели назадъ. Нѣсколько небольшихъ переходовъ и полкъ былъ остановленъ недалеко отъ Бубнова.

Здѣсь выяснилось, что гвардія передана въ распоряженіе генерала Каледина. Противъ мѣст. Свинюхи и сосѣдняго съ нимъ Корытницкаго лѣса, находился слегка вклинявшійся въ расположеніе противника плацдармъ, занятый частями арміи и который долженъ былъ служить исходнымъ пунктомъ для нашего наступленія.

Черезъ нѣсколько дней полкъ уже смѣнилъ армейскія части и сталъ ожидать часа атаки. Точный день атаки хранился въ строгомъ секретѣ и приказано было использовать оставшіеся дни для вынесенія впередъ но

выхъ параллелей и улучшенія ходовъ сообщенія. Снова, какъ и на предыдущей позиціи, по ночамъ полкъ рылъ окопы. Роты выходили въ полномъ составѣ впередъ, разсыпались въ цѣпи, солдаты клали около себя тутъ же винтовки и принимались рыть землю.

У противника также шли лихорадочныя работы. До насъ ясно доносился стукъ топоровъ, скрипъ колесъ отъ телѣгъ и приказанія начальствующихъ лицъ. Ни мы, ни нѣмцы, не мѣшали другъ другу работать. Часто при яркомъ свѣтѣ ракетъ, бросаемыхъ германцами, видны были въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нашихъ работающихъ людей, стоящіе въ ростъ, германскіе часовые, зорко слѣдящіе за нами. Изрѣдка наши развѣдчики натыкались на ихъ патрули, и тогда въ ночной тишинѣ раздавался взрывъ бросаемыхъ ручныхъ гранатъ.

1-го сентября стало извѣстно, что атака мѣстечка Свинюхи, назначена на 3-е сентября. Отъ полка въ первую линію были назначены: 9-ая рота подъ командой барона Менгдена, 10-ая подъ командой Хвощинскаго, 14-ая Его Высочества — подъ моей командой и 15-ая подъ командой подпор. Мартынова, смѣнившаго уѣхавшаго въ командировку изъ полка Лыщинскаго.

За послѣднее время я настолько свыкся съ мыслью, что мнѣ суждено идти съ ротой въ первую голову, что извѣстіе о предстоящемъ боѣ встрѣтилъ совершенно спокойно. 2-го сентября командиръ полка обходилъ окопы и, совмѣстно съ ротными командирами, осматривалъ позиціи противника. Восемь дней безсмѣнно я занималъ съ ротой передовую линію, и поэтому имѣлъ возможность детально изучить расположеніе противника. Изъ диспозиціи мнѣ было извѣстно, что артилле-

рія будетъ помогать атакѣ 9-ой роты, находившейся правѣе меня, и что я долженъ идти впередъ на германскую проволоку съ одними лишь винтовками.

По заданію, 9-ая рота, прорвавшись впередъ въ расположеніе противника, должна была быть сразу поддержана свѣжими резервами, которые должны были развить успѣхъ, ей достигнутый. Моя роль была демонстративной. Атакой въ лобъ я долженъ былъ приковать вниманіе противника къ моему участку и ждать, пока успѣхъ справа не вынудитъ его къ отступленію противъ меня.

Генералу Дрентельну я указалъ на всѣ предстоящія трудности, которыя еще усугублялись тѣмъ, что противъ меня стояли германцы, противъ 9-ой роты находились австрійцы. Генералъ Дрентельнъ прекрасно самъ сознавалъ, что моя рота обречена, въ случаѣ неуспѣха или задержки 9-ой роты на гибель, но изъ-за недостатка тяжелыхъ орудій нельзя было помочь стрѣльбой артиллеріи на моемъ участкѣ. Снова люди замѣняли у насъ недостатокъ въ техническихъ средствахъ.

По уходѣ командира я, совмѣстно съ моимъ младшимъ офицеромъ, подпоручикомъ Малевскимъ-Малевичемъ, только недавно поступившимъ къ намъ въ полкъ изъ Лицея, еще разъ принялся въ бинокль разсматривать позиціи германцевъ.

Мои передовые окопы на правомъ флангѣ подходили вплотную къ рѣдкому кустарнику, среди котораго нѣсколько впереди были расположены окопы противника. По мѣрѣ приближенія къ серединѣ участка, кусты отходили и на лѣвомъ флангѣ разстояніе отъ кустовъ до моего окопа было не менѣе 200 шаговъ. Сторожевое охраненіе противника занимало на ночь небольшіе око-

пы, на моемъ правомъ флангѣ, подходившіе почти вплотную къ моему расположенію. Заброшенный ходъ сообщенія, вырытый, еще вѣроятно, армейскими частями, служилъ общимъ наблюдательнымъ пунктомъ для моего и для германскаго часового. Поваленное дерево являлось границей, и по обѣ его стороны, на разстояніи всего нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, враги часами стояли, смотря другъ на друга. Въ рукахъ у обоихъ находились, ручныя гранаты, но я не помню случая, чтобы часовые употребляли бы ихъ въ дѣло. Днемъ нѣмцы уходили обратно въ свои основные окопы, продолжая оттуда зоркое наблюденіе за нами. Стрѣляли обѣ стороны рѣдко, но все же, иногда неосторожно выглянувшаго солдата настигала вражеская пуля, какъ, напримѣръ, имѣло мѣсто со ст. унтеръ-офицеромъ Мосуновымъ, моей роты, получившаго пулю въ грудь и умершимъ 20 минутъ спустя отъ полученной раны.

Небольшой лѣсъ, называемый «Сапогъ», изъ-за его очертанія, находился противъ лѣваго фланга полкового участка. Сами Свинюхи, обозначенные на картѣ, въ видѣ сплошной массы домовъ, давно перешли на хутора и отдѣльными домами занимали обширную площадь.

До послѣдней минуты я надѣялся, что австрійцы смѣнятъ германцевъ, но, всмотрѣвшись пристально въ артиллерійскій дальномѣръ, находившійся на наблюдательномъ пунктѣ при 10 ротѣ, я замѣтилъ, людей въ каскахъ, занимавшихъ попрежнему эти окопы.

Вечеромъ я сидѣлъ у себя въ блиндажѣ, когда услыхалъ легкое покашливаніе. Настолько я былъ углубленъ въ свои мысли, что не слыхалъ, какъ вошелъ въ блиндажъ мой вѣстовой Иванъ Гейморъ. Онъ долго и

пристально смотрѣлъ на меня, не рѣшаясь, повидимому, сказать цѣль своего прихода. Наконецъ, откашлянувшись, онъ началъ свою рѣчь заявленіемъ, что на завтра назначена атака, на что я ему отвѣтилъ, что это мнѣ уже давно извѣстно. Тутъ онъ осмѣлѣлъ и, переминаясь съ ноги на ногу, началъ мнѣ объяснять, что я могу съ поля не вернуться, что какъ тогда быть съ вещами, не собираюсь ли я кому-нибудь написать письма и т. д. Въ шутливой формѣ я ему отвѣтилъ, чтобы онъ не безпокоился, что со мной ничего не будетъ, и если что-нибудь случится, онъ самъ съумѣетъ справиться.

Когда онъ вышелъ, непріятныя мысли полѣзли сразу въ голову. А что, если дѣйствительно, сегодня послѣдній день моей жизни; вѣдь завтрашній бой настолько серьезенъ, что шансовъ выйти изъ него цѣлымъ было очень мало, такъ думалъ я, и затѣмъ вспомнивъ, что всѣ подъ Богомъ ходимъ, я отогналъ уныніе и пошелъ розыскивать въ окопахъ Малевскаго.

Вечеръ выдался чудный, и розыскавъ Малевскаго, я пошелъ съ нимъ еще разъ обходить окопы и отдавать послѣднія приказанія. Справа отъ меня должна была наступать 10 рота, слѣва — 15-ая. Пріятно было сознавать, что оба сосѣда, какъ справа, такъ и слѣва, были своего полка.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

За нѣсколько часовъ до наступленія зари, въ это памятное утро, 3-го сентября 1916 года, передовые окопы наполнились людьми 1-го и 2-го взводовъ. 3-ій и 4-ый взводы находились во второй линіи. Люди были одѣты въ шинели въ рукава, и дремали, прислонившись къ брустверу. Полная тишина царила на всемъ фронтѣ. Согласно выработанному плану, по окончаніи артиллерійской подготовки, долженъ былъ быть данъ сигналъ къ атакѣ. Первая полурота, подъ командой Малевскаго, должна была сразу броситься впередъ и продвинуться насколько возможно ближе къ проволочнымъ загражденіямъ германцевъ, и тамъ, въ случаѣ, если бы не удалось продвинуться дальше, остановиться и окопаться. Вторая полурота подъ моей командой слѣдовала непосредственно за первой. Дальнѣйшее продвиженіе впередъ зависѣло отъ того, какъ разовьется бой на участкѣ 9-ой и 10-ой ротъ.

Отдохнувши немного, часа въ четыре утра я всталъ и началъ провѣрять исполненіе всѣхъ данныхъ мной указаній. Въ самой передней линіи я приказалъ углубить и укрѣпить ступеньки для выскакиванія изъ окоповъ, ибо окопы были очень глубокими, полной профили съ высокимъ брустверомъ.

Съ первыми проблесками зари о. Михаилъ Тихоміровъ обошелъ окопы, благословляя на брань солдатъ.

«Ave, Caesar, morituri te salutant.» вспомнилась мнѣ фраза, сказанная мной наканунѣ генералу Дрентельну.

Глядя на славное, дѣтское лицо Малевскаго, не думалъ я, что сегодняшнее утро — послѣднее въ его жизни. И онъ и я находились въ нервно-приподнятомъ настроеніи, тѣмъ разительнѣе былъ контрастъ съ спокойно отдыхавшими въ окопахъ солдатами.

Вскорѣ съ нашей стороны раздались, сперва одиночные, а затѣмъ и частые орудійные выстрѣлы. Артиллерійская подготовка началась. Люди сразу какъ-то встрепенулись и ожили. Вплотную къ 1-му и 2-му взводу, я подтянулъ 3-ій и 4-ый и сталъ ожидать приказа объ началѣ атаки.

Нѣсколько часовъ подрядъ гремѣла наша артиллерія. На участкѣ, куда былъ сосредоточенъ ея огонь, были видны чрезвычайно удачныя попаданія. Значительно лѣвѣй меня, одинъ тяжелый снарядъ съ нашей стороны разорвался въ окопѣ противника. Вмѣстѣ со столбомъ земли въ воздухъ полетѣли какіе-то предметы, которые я въ началѣ принялъ за бревна. Всмотрѣвшись въ бинокль, я, къ своему крайнему удивленію, увидѣлъ, что это были солдаты противника, выкинутые силой разрыва изъ окопа въ воздухъ.

Противъ меня все было тихо, ни одинъ снарядъ не разорвался въ направленіи моей атаки. На участкѣ 15-ой роты, артиллерія наша, хотя и стрѣляла, но мало. Послѣ нѣкотораго промежутка времени, германская артиллерія стала отвѣчать на огонь нашей и по силѣ ея

стрѣльбы, трудно было отгадать, которая изъ сторонъ готовится къ наступленію.

Командующій баталіономъ вызвалъ меня къ телефону и сообщилъ мнѣ, что ровно въ 1 часъ дня я долженъ начать атаку. Свѣривъ свои часы по его часамъ, я сталъ терпѣливо ждать назначеннаго часа. Чѣмъ ближе подходила стрѣлка къ часу, тѣмъ, какъ ни странно, я менѣе волновался.

За нѣсколько минутъ до часа, я перекрестилъ и поцѣловалъ Малевскаго и пожелалъ ему ни пуха ни пера. Это былъ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ въ живыхъ. Почему-то, смотря ему вслѣдъ, когда онъ бодрой и рѣшительной походкой направился къ своей полуротѣ, чтобы вести ее черезъ нѣсколько минутъ на смерть, мнѣ показалось, что онъ живымъ съ поля битвы не вернется. За все время моего командованія ротой, онъ безотлучно находился со мной. Я глубоко и искренне полюбилъ его и привязался къ нему за его милый, открытый характеръ и веселый нравъ. Очень исполнительный, прекрасный офицеръ, дѣльный и храбрый, онъ былъ незамѣнимымъ помощникомъ. Солдаты его очень любили за его сердечное къ нимъ всегда отношені.е Жили мы съ нимъ душа въ душу и не было случая, чтобы мнѣ когда-либо пришлось дѣлать ему серьезныя замѣчанія. Помню, что во время стоянки на позиціи у Янувки, однажды ночью бомба, изъ германскаго бомбомета, разорвалась среди моихъ солдатъ, рывшихъ окопы. Одному изъ солдатъ оторвало силой взрыва голову, и кровь его обрызгала стоявшаго неподалеку Малевскаго. Этотъ случай произвелъ на него очень тягостное впечатлѣніе и, нѣсколько дней послѣ него, онъ находился въ подавленномъ настроеніи духа.

Неожиданно, какъ по командѣ, наша артиллерія прекратила огонь, непріятельская послѣдовала ея примѣру и на фронтѣ воцарилась жуткая тишина, не прерываемая ни однимъ выстрѣломъ. Часовая стрѣлка показала часъ и изъ окопа нашего лѣвофлангового участка выскочилъ баталіонный адъютантъ 4-го баталіона Г. А. Мещериновъ, громкимъ голосомъ крикнулъ: «4-ый баталіонъ, впередъ», и палъ тутъ же, сраженный непріятельской пулей. 15-ая рота стала выбѣгать впередъ, и я далъ приказъ своимъ солдатамъ также начинать атаку.

Солдаты мигомъ выскочили на брустверъ. 3-ій и 4-ый взводы сразу заняли мѣста ушедшей впередъ 1-ой полуроты и начали выбѣгать также впередъ. Жуткая тишина была прервана могучимъ русскимъ «ура» и безпрерывнымъ трескомъ изъ ружей и пулеметовъ. Помня лишь одно, что мое мѣсто впереди, я быстро поднялся на гребень окопа и, отдѣлившись отъ солдатъ, побѣжалъ въ сторону противника.

Навстрѣчу атакующимъ частямъ неслись сотни пуль. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, бѣгущую за мной длинную цѣпь моихъ солдатъ. Ни одного отставшаго не было. Люди бѣжали и старались на ходу поддерживать равненіе. Временами изъ ихъ грудей раздавалось ура, которое то разгоралось, то потухало. Страннымъ почему-то показалось, что нѣсколько человѣкъ изъ этой цѣпи упали и больше не подымались. Смерть начинала косить свою жатву. Лѣвѣй меня, пространство было покрыто цѣпями 15-ой роты. 10-ой роты я не могъ видѣть, такъ какъ кусты закрывали ее отъ взоровъ. Безъ единой задержки, дабы уменьшить время нахожденія подъ убійственнымъ огнемъ противника и пройти наи-

большее разстояніе, я продолжалъ все бѣжать впередъ.

Первая полурота скрылась за небольшимъ перегибомъ мѣстности и находилась нѣсколько впереди и правѣе меня. Пробѣжавъ шаговъ 400, если не больше, я наткнулся на проволочное загражденіе, находящееся на обратномъ скатѣ и былъ встрѣченъ ураганомъ свинца.

Думать о дальнѣйшемъ продвиженіи впередъ было бы безуміемъ, поэтому, я приказалъ остановиться, окопаться и выжидать дальнѣйшаго развитія боя. За перегибомъ лежали окопы противника. Правѣй меня я увидѣлъ отступающихъ въ безпорядкѣ австрійцевъ и нашихъ солдатъ 9-ой роты, занимавшихъ ихъ окопы. Зрѣлище было настолько вдохновляющее, что я лично навелъ находившійся около меня пулеметъ и открылъ изъ него стрѣльбу по австрійцамъ. Германцы, озадаченные неожиданнымъ открытіемъ огня, стали медленно выходить изъ своихъ окоповъ, въ нерѣшительности, что дальше имъ дѣлать.

Поддержи въ эту минуту 9-ую роту резервныя части, бой былъ бы нами выигранъ. Къ несчастью, огонь германской артиллеріи по нашимъ тыламъ и ходамъ сообщенія, задержалъ выходъ резервныхъ частей и 9-ая рота, понеся громадныя потери, не въ силахъ была продолжать наступленіе.

Германцы, къ которымъ тѣмъ временемъ подошли резервы, возвратились въ свои окопы и стали насъ снова засыпать огнемъ. Смѣнившіе меня у пулемета, два пулеметчика, были убиты на мѣстѣ, едва я успѣлъ отползти нѣсколько шаговъ въ сторону. Первая полурота находилась подъ самой проволокой и я послалъ къ Малевскому подрядъ нѣсколько человѣкъ, съ приказа-

ніемъ окопаться и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Огонь былъ настолько силенъ, что ни одинъ изъ посланныхъ не дошелъ до назначенія, всѣ были перебиты, едва они показались на гребнѣ. Потери моей второй полуроты были громадны. Изъ ста съ чѣмъ-то солдатъ, у меня подъ рукой оставалось всего четырнадцать человѣкъ. За исключеніемъ лѣвофланговаго отдѣленія, оторвавшагося влѣво, всѣ остальные лежали убитыми или ранеными.

Пули свистѣли со всѣхъ сторонъ. Особенно непріятны были два пулемета, стрѣлявшіе, одинъ справа, другой слѣва и взявшіе насъ подъ перекрестный огонь. Кругомъ моего мѣста лежало человѣкъ двадцать убитыхъ и раненыхъ солдатъ. Раненые умоляли оказать имъ помощь. Изъ-за страшной стрѣльбы нечего было думать объ этомъ и несчастные страдальцы стонами своими покрывали шумъ отъ стрѣльбы, придавая всему мѣсту характеръ какого-то ада.

Надобно было рѣшиться на что-нибудь. Потерявъ такое громадное количество людей, я не хотѣлъ отходить назадъ и отдать захваченный столь дорогой цѣной участокъ земли. Кромѣ того, этотъ отходъ вызвалъ бы еще много жертвъ, поэтому, подозвавъ унтеръ-офицера Соколова, который доползъ до меня, я вынулъ полевую книжку и написалъ командиру баталіона примѣрно слѣдующую записку: «Дошелъ до проволочныхъ загражденій, дальше продвинуться не могу. Потери чрезвычайно велики, прошу выслать подкрѣпленіе, иначе вынужденъ буду отойти въ исходное положеніе». Прошелъ томительный часъ, если не больше. Не видя долго Соколова, я рѣшилъ, что его постигла та же участь, что и людей, посланныхъ къ Малевскому. Ве-

лика была моя радость, когда я увидѣлъ его, возвращающимся обратно. «Баталіонный командиръ приказалъ отойти обратно въ окопы, если возможно сейчасъ, а если нѣтъ, то по мѣрѣ возможности». Таковъ былъ отвѣтъ, который онъ мнѣ словесно принесъ отъ Кузьмина, кромѣ того, онъ мнѣ сообщилъ, что полурота 13-ой роты должна скоро подойти и встать сзади меня, въ видѣ резерва.

Надѣясь, что обстановка можетъ еще измѣниться въ нашу пользу, я рѣшилъ возможно долѣе оставаться на занятой позиціи, тѣмъ болѣе, что людямъ удалось немного окопаться и до извѣстной степени защититься отъ пуль. Къ тому же я разсчитывалъ, что съ наступленіемъ темноты, я смогу отойти безъ потерь и вынести раненыхъ, которыхъ не хотѣлъ бросать. Мучительно долго тянулось время.

Стрѣльба продолжалась безпрерывно. Тяжелая и легкая германская артиллерія громили наши тылы и исходные окопы. Въ ушахъ стоялъ звонъ отъ разрывовъ. Часы показывали начало шестого, когда я замѣтилъ отходившія назадъ, цѣпи 15-ой роты. Боясь быть отрѣзаннымъ и захваченнымъ въ плѣнъ, въ случаѣ наступленія противника, и получивъ донесеніе отъ гр. Бобринскаго, что онъ съ полуротой 13-ой роты находится неподалеку, сзади меня, я приказалъ остатку моихъ людей присоединиться къ 13-ой ротѣ.

Мысли мои были направлены къ спасенію раненыхъ, оставленныхъ впереди. Ни о какой опасности для себя я не думалъ; эти нѣсколько часовъ ужаса и крови, потеря такого количества драгоцѣнныхъ жизней, атрофировали у меня совершенно чувство страха. Я все еще

надѣялся, что эти жертвы не принесены напрасно. Мнѣ казалось, что контръ-атакой, въ случаѣ наступленія германцевъ, можно будетъ ихъ отбросить, и на ихъ плечахъ ворваться въ ихъ окопы. Солдаты 13-ой роты, а также и мои, уцѣлѣвшіе, находились въ нервномъ состояніи; и Бобринскому и мнѣ стоило большихъ усилій ихъ удержать отъ отхода назадъ, когда одинъ изъ наблюдателей крикнулъ, что нѣмцы вышли изъ окоповъ и насъ обходятъ. Извѣстіе оказалось неправильнымъ, но нѣсколько человѣкъ солдатъ начали самовольно покидать позицію и отходить. Подойдя къ правому флангу, откуда намъ якобы грозило наступленіе германцевъ, я повернулся въ сторону противника и въ эту минуту почуствовалъ страшный ударъ въ грудь. Какая-то нечеловѣческая сила рвала у меня что-то внутри и мнѣ показалось сначала, что у меня оторвана правая рука. Отъ силы толчка я упалъ на землю.

Первой мыслью у меня была та, что если дѣйствительно нѣмцы начнутъ наступать, то они меня либо приколятъ, либо возьмутъ въ плѣнъ. Ни то, ни другое мнѣ не улыбалось и, собравъ всѣ свои силы, я сдѣлалъ невѣроятное усиліе и поднялся на ноги. Около меня стоялъ неизмѣнный Соколовъ и протягивалъ мнѣ палку, на которую я тотчасъ же оперся. Къ своей радости я почувствовалъ, что могу совершенно свободно двигаться. Въ сопровожденіи Соколова и еще двухъ-трехъ легко раненыхъ солдатъ, я пошелъ назадъ, по направленію къ перевязочному пункту. Изъ огня я попалъ въ полымя. Цѣлый дождь снарядовъ рвался вокругъ, и прямо чудо, что я не былъ добитъ по дорогѣ, ибо я шелъ во весь ростъ, да еще въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ.

Голова у меня кружилась страшно, и я чувствовалъ, какъ горячая, липкая жидкость, постепенно заливала все мое тѣло. Дойдя до нашихъ исходныхъ окоповъ, я нашелъ въ блиндажѣ, въ которомъ ночевалъ наканунѣ, моего ротнаго фельдшера Полотебнаго. Блиндажъ былъ совершенно разрушенъ попавшимъ въ него снарядомъ и Полотебновъ, на случайно уцѣлѣвшей скамейкѣ, сдѣлалъ мнѣ первую перевязку.

Отъ блиндажа до полкового перевязочнаго пункта надобно было идти очень большое разстояніе и исключительно по ходамъ сообщенія. Идти было тяжело, голова продолжала кружиться и ротъ былъ полонъ крови. Дышать было трудно, но дѣлать было нечего. Носилки никакъ не могли пройти по этимъ узкимъ ходамъ сообщенія, наполненными спѣшащими впередъ резервами и ползущими или лежащими по дну ранеными. Непріятельская артиллерія продолжала неистовствовать, засыпая окопы градомъ тяжелыхъ снарядовъ.

Поддержанный подъ руки Соколовымъ и другимъ солдатомъ, послѣ, по крайней мѣрѣ, часового путешествія, я добрался до перевязочнаго пункта. Отъ своихъ солдатъ я узналъ, что бѣдный Малевскій былъ убитъ въ самомъ началѣ боя. Будучи раненымъ въ ногу, онъ приказалъ себя поддерживать и продолжалъ двигаться впередъ. Второй пулей въ голову, онъ былъ убитъ на мѣстѣ у самой проволоки германцевъ. Бобринскій былъ также убитъ нѣсколько минутъ спустя послѣ моего раненія.

На перевязочномъ пунктѣ меня встрѣтилъ нашъ младшій врачъ кн. Аргутинскій-Долгоруковъ, который нашелъ, что перевязка сдѣлана достаточно хорошо и

распорядился меня отправить въ лазаретъ Мраморнаго Дворца.

Въ небольшой двуколкѣ Васю Воейкова младшаго офицера 9-ой роты и меня уложили вдвоемъ и повезли 11 верстъ по лѣсной дорогѣ, въ лазаретъ Мраморнаго Дворца. Боли особенной я не чувствовалъ, но дышать становилось все труднѣй и труднѣй. Воейковъ былъ раненъ въ ногу и чувствовалъ себя сравнительно хорошо, такъ какъ рана была легкая и онъ мало страдалъ.

По пріѣздѣ въ лазаретъ Мраморнаго Дворца, насъ встрѣтила сестра милосердія и провела въ большой шатеръ, заставленный кроватями. Кругомъ шатра лежали многочисленные раненые. Выбравъ свободную кровать, я сѣлъ на нее и сталъ дожидаться своей очереди. «Вы какими судьбами», — услыхалъ я надъ собой удивленный женскій голосъ и увидѣлъ сестру Тимашеву, наклоненную надо мной. «Намъ передавали изъ полка, что Вы убиты во время атаки и поэтому, я выразила такое удивленіе, увидѣвъ Васъ въ живыхъ», — добавила она тутъ же и повела меня въ операціонную, находящуюся въ другой палаткѣ, рядомъ. Тамъ меня раздѣли и положили въ такомъ видѣ на какой-то столъ. Одинъ изъ докторовъ быстро осмотрѣлъ меня и приказалъ, сдѣлавъ перевязку, уложить въ одной изъ палатокъ. Когда съ меня была снята одежда, то только тогда я замѣтилъ, въ какомъ я былъ видѣ. Весь мой костюмъ былъ пропитанъ насквозь кровью. Нижняя рубашка представляла изъ себя какую-то красную тряпку. Когда меня уложили, то дышать стало нѣсколько легче и я, почувствовавъ облегченіе, сталъ разглядывать моихъ сосѣдей по палатѣ.

Рядомъ со мной положили громаднаго и милѣйшаго

Сергѣя Зейме, нашего офицера, раненаго пулей въ непосредственной близости отъ сонной артеріи. Онъ тяжело дышалъ и почти не могъ говорить. Напротивъ, стоналъ раненый въ животъ, Егерскаго полка Хвощинскій. Спать я не могъ. Волненія и переживанія этого незабываемаго дня не дали мнѣ возможности заснуть. Передъ моими глазами проходили все время геройскіе образы тѣхъ простыхъ русскихъ людей, которые съ голыми руками пошли впередъ на вѣрную смерть. Въ ушахъ все еще чудился звонъ отъ рвущихся снарядовъ.

Сестра Тимашева нѣсколько разъ подходила ко мнѣ, спрашивая, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь. Въ серединѣ ночи я почувствовалъ приближеніе кого-то ко мнѣ и увидѣлъ моего друга Сергѣя Мещеринова, только что потерявшаго второго брата. Замѣтивъ, что я дрожу отъ холода, онъ заботливо накрылъ меня вторымъ одѣяломъ. Къ утру я впалъ въ полузабытіе и проснулся уже при свѣтѣ яркаго, солнечнаго дня.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Подошедшая ко мнѣ, дежурная сестра сказала, что въ скоромъ времени за нами прiѣдутъ санитарные автомобили, которые отвезутъ насъ въ Луцкъ. Въ теченiи утра въ лазаретъ заходили нѣсколько офицеровъ и отъ нихъ я узналъ о геройскомъ поведенiи полка во вчерашнемъ бою и о громадныхъ потеряхъ, понесенныхъ во время атаки. Отъ моей роты осталась лишь горсть людей. Изъ 200 человѣкъ, вышедшихъ вчера утромъ изъ окоповъ, 153 оказались убитыми или ранеными. 9-ая и 15-ая роты пострадали въ той же степени, 10-ая отдѣлалась болѣе благополучно. Общiя потери полка превысили 800 человѣкъ. По количеству жертвъ бой 3-го сентября занялъ второе мѣсто послѣ боя у Гудулина, 20-го августа 1915 года. Вскорѣ загудѣли снаружи автомобили и раненыхъ стали по очереди выносить изъ палатокъ. Сестра Тимашева предложила, чтобы меня перенесли на носилкахъ, но я отказался отъ этого, такъ какъ чувствовалъ себя въ состоянiи ходить. Боли были очень сильныя, особенно около позвоночника, и правая рука совершенно не дѣйствовала, будучи прострѣлена на вылетъ. Въ началѣ возникло предположенiе, что въ меня попали двѣ пули, но впослѣдствiи выяснилось, что одна и та же пуля, пробивъ легкое, прошла на искось и вышла въ верхней части руки, за-

дѣвъ по дорогѣ плечевой суставъ. Дабы облегчить боли, мнѣ было сдѣлано подкожное вспрыскиваніе морфія.

Послѣ долгой возни, автомобили, оказавшіеся принадлежавшими англійской организаціи Краснаго Креста, были нагружены ранеными и мы тронулись въ путь, провожаемые большимъ количествомъ офицеровъ и солдатъ, частью легко ранеными, частью пришедшими изъ любопытства изъ сосѣднихъ резервныхъ частей. Со мной ѣхали Зейме, Хвощинскій и еще нѣсколько офицеровъ. Хвощинскій страшно мучился и каждый толчекъ автомобиля вызывалъ у него стоны.

Въ Луцкѣ насъ размѣстили въ госпиталѣ Кауфманской Общины имени Государыни Императрицы Маріи Федоровны. Въ моей палатѣ лежали лишь тяжело раненые и исключительно офицеры-Преображенцы. Въ небольшой комнатѣ помѣстились Зейме, Зуевъ, кн. Эристовъ и я. Легко раненые наши офицеры помѣщались рядомъ.

На слѣдующій же день лазаретъ посѣтилъ генералъ Калединъ, который обошелъ раненыхъ и благодарилъ Преображенцевъ за доблестное поведеніе. Пріятно было слушать эту похвалу отъ такого храбраго и скупого на слова командующаго арміей, какимъ являлся генералъ Калединъ. Бѣдный Зейме очень страдалъ и въ состояніи его здоровья наступило ухудшеніе, почему старшій врачъ госпиталя, молодой, но очень опытный хирургъ Мачаверіани рѣшилъ сдѣлать ему немедленную операцію и извлечь пулю. Операція была очень опасной и могла кончиться легко смертью Зейме на операціонномъ столѣ, и только искусство Мачаверіани спасло его отъ рокового конца. Черезъ два-три дня послѣ извлеченія пули Зейме нельзя было узнать. Здоровье стало

быстро поправляться, и изъ почти умиравшаго человѣка онъ вновь сталъ веселъ и жизнерадостенъ.

Безпрерывные налеты аэроплановъ и связанная съ этимъ стрѣльба артиллеріи, сильно нервировали раненыхъ, и поэтому, всѣ были очень довольны, когда, наконецъ, сообщили, что въ Луцкъ прибылъ санитарный поѣздъ имени Наслѣдника Цесаревича, который долженъ былъ доставить насъ въ Царское Село.

Въ Луцкѣ мы узнали печальное извѣстіе о гибели 7-го сентября, во время вторичной атаки дер. Свинюхи, Холодовскаго Юрія и Зубова 2-го. Мачаверіани, находя, что покой для меня является необходимымъ, не хотѣлъ меня отпускать изъ Луцка, и только мои усиленныя мольбы склонили его измѣнить это рѣшеніе. Три-четыре дня пути въ прекрасно оборудованномъ санитарномъ поѣздѣ и, наконецъ, мы прибыли къ мѣсту своего назначенія. Желая быть въ Петроградѣ, гдѣ была моя семья, я испросилъ разрѣшеніе поѣхать туда и былъ отправленъ въ Лазаретъ Комитета Финансовъ, на Сергіевской улицѣ. Въ этомъ лазаретѣ я пробылъ около трехъ недѣль. Среди многочисленныхъ родныхъ и знакомыхъ, ежедневно меня посѣщавшихъ, часто приходилъ и отецъ покойнаго Малевскаго. Бѣдный старикъ со вниманіемъ, какъ бы боясь проронить одно слово, слушалъ мои восторженные отзывы о поведеніи его сына. Отъ него же я узналъ о геройскомъ подвигѣ солдата моей роты Меженина. Безконечно преданный убитому Малевскому, Меженинъ трижды, съ наступленіемъ сумерокъ, пользуясь тѣмъ, что ночное охраненіе германцевъ не было еще выставлено, проползалъ къ проволокѣ противника, гдѣ лежало тѣло Малевскаго. На третьи сутки отважный сибирякъ на спинѣ принесъ въ

наши окопы тѣло своего любимаго офицера. Геройскій подвигъ этотъ лишній разъ подтверждаетъ, на что былъ способенъ русскій солдатъ, и какая твердая спайка существовала между рядовымъ офицерствомъ и солдатами.

Находя воздухъ Петрограда вреднымъ для легочно-раненыхъ, доктора рѣшили меня перевезти въ Царское Село и я былъ водворенъ въ Лазаретъ Большого Дворца. Лазаретъ былъ устроенъ прекрасно. Нѣсколько разъ въ лазаретъ пріѣзжала Императрица Александра Федоровна и Великія Княжны. Тамъ же въ послѣдній разъ въ жизни я видѣлъ звѣрски убитаго Царя-Мученика.

На площади передъ Дворцомъ происходилъ смотръ молодымъ солдатамъ гвардіи, подлежащимъ отправкѣ на фронтъ. Это было въ началѣ ноября 1916 года. Четыре мѣсяца спустя эти же солдаты, столь восторженно кричавшіе ура своему Державному Вождю, разгуливали съ красными тряпками въ рукахъ и пѣли марсельезу. Атмосфера, царившая въ Петроградѣ, мнѣ ужъ тогда не понравилась. Гнусная клевета и инсинуаціи по адресу Царской Семьи поразили меня, только что свѣже-прибывшаго съ фронта. Тамъ у насъ въ окопахъ ни сплетнями, ни политикой, не занимались. Всѣ знали свое дѣло и мысли каждаго были устремлены противъ врага.

Настолько все это дѣйствовало на меня удручающе, что когда комиссія предложила мнѣ поѣхать мѣсяца на два въ Ялту, чтобы окончательно возстановить мое здоровье, я съ радостью покинулъ Петроградъ.

По пріѣздѣ въ Ялту, я былъ помѣщенъ въ Здравницу имени Государыни Императрицы. Рѣзкая ли перемѣна

климата, или какая-либо другая причина, но не успѣлъ я прожить въ Ялтѣ нѣсколько дней, какъ неожиданно поднялась температура. Въ теченіи двухъ недѣль жаръ меня не покидалъ. Лѣчили меня всѣми средствами и долѣчили до того, что рана въ груди раскрылась и у меня появилось кровохарканіе.

Потянулись скучныя однообразныя недѣли. Мнѣ запрещено было двигаться и я часами лежалъ на балконѣ, любуясь моремъ и вздыхая свѣжій морской воздухъ. Новый 1917 годъ я встрѣтилъ въ постели. На морѣ былъ штормъ и порывы страшнаго вѣтра рвали крышу надъ моей головой. Вся Здравница, расположенная у самаго берега моря, сотрясалась отъ этихъ порывовъ и я, по врожденному суевѣрію, рѣшилъ, что такая встрѣча Новаго Года добра не предвѣщаетъ. Убійство Распутина и темные слухи въ связи съ этимъ, доползшіе къ намъ изъ Петрограда, еще болѣе придавали мрачную окраску этому начинавшемуся злосчастному году.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ серединѣ февраля я настолько поправился, что уже сталъ выходить на улицу. Силы прибывали и я чувствовалъ себя настолько хорошо, что надѣялся скоро вернуться обратно въ полкъ. Въ послѣднихъ числахъ февраля въ Ялту стали поступать свѣдѣнія о томъ, что въ Петроградѣ очень не благополучно. Въ крупномъ масштабѣ, на почвѣ якобы недостатка продовольствія, вспыхнули безпорядки среди рабочихъ и что вооруженныя силы съ трудомъ съ ними справляются. Свѣдѣнія шли, главнымъ образомъ, изъ Севастополя и неожиданный выходъ Черноморской эскадры въ море подъ командой адмирала Колчака, о чемъ стало извѣстно въ Ялтѣ въ тотъ же день, не способствовало уменьшенію созданнаго этими свѣдѣніями тревожнаго настроенія. Газетныя извѣстія были очень скудными, — повидимому цензура не пропускала печатанія телеграммъ о событіяхъ въ Петроградѣ.

Велико же было наше изумленіе, когда въ первыхъ числахъ марта на улицахъ появились экстренные выпуски газетъ, съ манифестомъ объ отреченіи Государя отъ Престола въ пользу брата Своего, Великаго Князя Михаила Александровича. Въ магазинѣ Дзембинскаго, на набережной, былъ немедленно выставленъ большой портретъ Великаго Князя съ надписью подъ нимъ «Ми-

хаилъ Императоръ». Портретъ простоялъ въ окнѣ всего лишь день или два.

Телеграммы стали поступать, какъ изъ рога изобилія, одна мрачнѣе и печальнѣе другой. Раненые и больные офицеры собрались въ столовой «Здравницы» и Н. М. Котляревскій прочелъ собравшимся полный текстъ отреченія Государя, а также манифестъ Великаго Князя Михаила Александровича. Голосъ его прерывался во время чтенія отъ волненія, и у большинства присутствующихъ навернулись на глазахъ слезы. Итакъ свершилось. То страшное, роковое для Россіи событіе, отреченія законнаго Государя отъ Престола Своихъ Предковъ, въ разгарѣ величайшей войны, которую когда-либо знала исторія, и переходъ власти въ руки Временнаго Правительства, съ первыхъ же шаговъ показавшаго свою слабость и несостоятельность, не предвѣщало ничего хорошаго.

Всѣ идеалы, которымъ мы поклонялись, традиціи въ которыхъ мы были воспитаны, рухнули въ нѣсколько часовъ, но несмотря на это, офицеры сознавали, что благо родины требовало ихъ оставленія на мѣстахъ. Суровая школа войны настолько сблизила въ минуты опасности офицера и солдата, что то, идеальное взаимоотношеніе, которое возникло между рядовыми начальствующими лицами и подчиненными, было достигнуто съ первыхъ дней войны взаимно обильно пролитой кровью въ защиту своей Вѣры, Престола и Родной земли. Какой-то преступной рукѣ, поддержанной иностраннымъ золотомъ, нужно было уничтожить въ первую голову это достигнутое духовное сближеніе.

Съ первыхъ же дней революціи, солдату, уставшему отъ трехлѣтней бойни, было внушено, что офицеры его

враги, что если бы ни они, то война была бы окончена и долгожданный миръ заключенъ.

Однако, я здѣсь сильно уклонился въ сторону и, поэтому, вернусь къ первымъ днямъ революціи въ Ялтѣ. Фактически, революція мало чѣмъ измѣнила укладъ жизни въ Ялтѣ, въ первые дни. Все шло какъ по старому. Петроградъ былъ далекъ, фронтъ — также, и только буйный Севастополь, сдерживаемый пока желѣзной рукой незабвеннаго адмирала Колчака, внушалъ намъ нѣкоторыя опасенія. Слухи объ эксцессахъ на судахъ доходили до насъ, но серьезнаго пока ничего не было. По требованію какого-то представителя новой власти, былъ устроенъ день празднованія революціи, но этотъ праздникъ въ консервативной Ялтѣ прошелъ мало замѣченнымъ. Неизвѣстные ораторы произносили сумбурныя непонятныя рѣчи. Красныя тряпки, замѣнившія національный флагъ, украшали помостъ съ котораго говорили эти вдохновенные ораторы. На этомъ день празднованія революціи окончился и, пришедшіе на него изъ любопытства жители Ялты, разошлись по домамъ.

Въ началѣ апрѣля медицинская комиссія нашла возможнымъ мнѣ ѣхать въ Петроградъ, и я, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ по полку А. Путиловымъ, выѣхалъ изъ Ялты.

Съ большимъ трудомъ мы раздобыли въ Севастополѣ, черезъ посредство коменданта станціи, маленькое купэ и благополучно добрались безъ всякихъ инцидентовъ до Харькова. Въ Харьковѣ поѣздъ пришелъ поздно вечеромъ и вагонъ сразу наполнился шумомъ грубыхъ мужскихъ голосовъ и топотомъ ногъ. Путиловъ и я, хотя и были раздѣты, но не спали. Голоса раздавались все

ближе и ближе и ясно было слышно, какъ кто-то начиналъ ломиться въ сосѣднее купэ. Пріоткрывъ слегка дверь, я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ матросовъ, которые пытались проникнуть въ купэ, громко крича, что довольно буржуямъ ѣздить въ классныхъ вагонахъ, что они страдали на войнѣ, и что если означенные буржуи добровольно не покинутъ купэ, то штыкомъ въ пузо, какъ выразился одинъ изъ матросовъ, можно ихъ оттуда извлечь. Когда очередь дошла до нашего купэ, я открылъ двери и сталъ въ дверяхъ, преграждая дорогу. На вопросъ матроса, кто ѣдетъ въ нашемъ купэ, я ему отвѣтилъ, что ѣдутъ офицеры, которые, вѣроятно, пострадали на войнѣ гораздо больше, чѣмъ онъ самъ. Матроса мой отвѣтъ нѣсколько озадачилъ и онъ, вытащивъ изъ толпы какого-то юнаго прапорщика, втолкнулъ его къ намъ въ купэ и послѣдовалъ дальше, оставивъ насъ въ покоѣ. Прапорщикъ былъ очень смущенъ всей сценой и долго извинялся за безпокойство.

Такъ втроемъ мы продолжали путь и добрались, наконецъ, до Петрограда.

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ засѣдала медицинская комиссія, меня еще разъ свидѣтельствовали и дали отсрочку на нѣкоторое время, чтобы окончательно окрѣпнуть передъ поѣздкой на фронтъ.

Бѣдное, дорогое, столь близкое мнѣ Царское Село. Подъѣзжая къ нему, я издали увидѣлъ громадную красную тряпку, развѣвавшуюся надъ большимъ Дворцомъ, тамъ, гдѣ въ теченіи почти двухъ вѣковъ, гордо рѣялъ Императорскій желто-черный штандартъ. Паркъ былъ неузнаваемъ. Толпы разнузданныхъ, потерявшихъ всякую дисциплину, солдатъ бродили по его чуднымъ аллеямъ. Скамейки и дороги были загажены шелухой отъ

сѣмячекъ. Тяжело стало у меня на душѣ. Мое любимое Царское, мѣсто моего рожденія и дѣтства, съ которымъ у меня были связаны столь хорошія, незабываемыя воспоминанія, было превращено въ какую-то мусорную яму.

За рѣшеткой Александровскаго Дворца, окруженные цѣпью часовыхъ, покинутые всѣми, за исключеніемъ небольшой кучки преданныхъ людей, находилась многострадальная Царская Семья. Это былъ послѣдній разъ, что я былъ въ Царскомъ. Слишкомъ грустно и печально было для того, чтобы еще разъ захотѣлось туда поѣхать.

Тѣмъ временемъ, событія шли усиленнымъ темпомъ. Развалъ арміи шелъ полнымъ ходомъ. Петроградскій гарнизонъ представлялъ собой вооруженный сбродъ, опасный для населенія, и совершенно безопасный для непріятеля. Не помогли ни истерическіе вопли, спохватившагося наконецъ Керенскаго, ни трезвые голоса нѣкоторыхъ вождей - патріотовъ. Положеніе ухудшалось съ каждымъ часомъ. Война была проиграна, это было ясно всѣмъ. Ни женскіе баталіоны, ни ударныя части, составленныя изъ остатковъ честныхъ и храбрыхъ солдатъ, не могли спасти положенія.

Приказъ № 1 и безконечная травля офицерскаго состава сдѣлали свое подлое и грязное дѣло. Временное Правительство само сознавало свою непрочность и съ каждымъ днемъ вліяніе Петроградскаго Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ возростало съ необыкновенной быстротой. Въ первыхъ числахъ іюля начались первыя большевистскія выступленія. Я числился еще выздоравливающимъ и находился въ то время еще въ Петроградѣ, не занимая никакой должности. Стрѣльба

и безпорядки на улицахъ столицы продолжались нѣсколько дней.

Оставшіеся еще вѣрными Временному Правительству части Петроградскаго гарнизона и прибывшіе съ фронта полки подавили безпорядки. Запасный баталіонъ Преображенскаго полка до послѣдней минуты сохранилъ лойяльность этому безвольному и слабому Правительству и охранялъ подступы къ Зимнему Дворцу въ эти тревожные дни.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго, мнѣ было предложено поступить временно, въ качествѣ офицера связи, при Американской Военной Миссіи, и я съ радостью ухватился за это предложеніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Маіоръ Кэръ американской службы, оказавшійся чрезвычайно милымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, былъ командированъ въ серединѣ іюля для изученія положенія на фронтѣ, и я былъ назначенъ для его сопровожденія. За недостаткомъ времени, мы посѣтили съ нимъ лишь корпуса Юго-Западнаго фронта. Центральнымъ мѣстомъ, откуда мы разъѣзжали на автомобилѣ по различнымъ штабамъ и частямъ войскъ, являлся Каменецъ-Подольскій. Въ штабѣ 2-го Гвардейскаго Корпуса, расположеннаго въ имѣніи «Вишневчикъ», мы пробыли наибольшее время. Маіоръ Кэръ интересовался всѣми мелочами организаціи и снабженія нашихъ Армій и входилъ въ самыя подробныя детали. Дважды онъ выступалъ съ рѣчами въ солдатскихъ комитетахъ и говорилъ солдатамъ о дисциплинѣ и о порядкахъ въ Американской Арміи. Мнѣ приходилось переводить его рѣчи, и это было не совсѣмъ пріятной обязанностью, такъ какъ солдаты подозрѣвали, что я искажаю смыслъ его заявленій. Помню хорошо, что въ одномъ изъ комитетовъ, чуть ли не въ корпусномъ, когда зашла рѣчь о томъ, что въ американской арміи считается бунтомъ, если два человѣка и болѣе проявятъ неповиновеніе начальнику и что солдаты, знавшіе объ этомъ и не донесшіе по командѣ, предаются военно-полевому суду,

какъ сообщники, солдаты стали почесывать затылки и недовѣрчиво посматривать другъ на друга. Повидимому, рѣчь маіора пришлась имъ не по душѣ, мечтавшимъ о полной безнаказанности въ самыхъ тяжелыхъ преступленіяхъ.

Однажды, вечеромъ, въ Штабѣ 2-го Гвардейского Корпуса, обѣдалъ командиръ стоявшаго поблизости въ резервѣ 1-го Гвардейскаго стрѣлковаго полка, полковникъ Быковъ, съ однимъ изъ своихъ старшихъ офицеровъ. Весь вечеръ Быковъ объяснялъ маіору, при моемъ посредничествѣ, о томъ, въ какомъ невыносимомъ положеніи находится командный составъ, лишенный фактически возможности работать, благодаря комитетамъ. Разговоръ съ Быковымъ произвелъ большое впечатлѣніе на маіора.

На слѣдующее утро, первое что мы узнали въ Штабѣ, что 1-ый Гвардейскій стрѣлковый полкъ убилъ своего командира и что солдаты не желаютъ отдать его тѣла для погребенія. Всего нѣсколько часовъ прошло съ тѣхъ поръ, что мы видѣли Быкова живымъ, и этотъ случай глубоко всѣхъ взволновалъ. Быковъ считался однимъ изъ выдающихся боевыхъ офицеровъ и пользовался большей любовью своихъ подчиненныхъ. Нѣсколько человѣкъ агитаторовъ сумѣли толкнуть на преступленіе потерявшихъ отъ многодневной, упорной пропаганды натравливанія на офицеровъ, всякія устои нравственности солдатъ.

Раза два мы ѣздили на позиціи 3-ей Гвардейской пѣхотной дивизіи, расположенныхъ въ районѣ деревни Лянцкорунь. Тамъ такъ же пришлось натолкнуться на тѣ же печальныя явленія, паденія дисциплины и неисполненія боевыхъ приказовъ. Служба неслась спустя ру-

кава и только пассивность противника предохраняла фронтъ отъ непріятныхъ сюрпризовъ. За нѣсколько дней до нашего пріѣзда туда, въ одномъ изъ полковъ произошелъ слѣдующій характерный случай. Баталіонный командиръ вызвалъ изъ строя желающихъ идти на развѣдку. Никто изъ солдатъ не пожелалъ рисковать, ставшей отнынѣ столь драгоцѣнной для нихъ жизнью и тогда всѣ четыре ротныхъ командира, подъ начальствомъ самого баталіоннаго командира, вышли впередъ въ направленіи расположенія противника. Во время развѣдки, баталіонный командиръ былъ раненъ пулей въ животъ и когда его проносили мимо столпившихся солдатъ, то изъ толпы раздались голоса: «Такъ ему и надо, нечего было соваться». Грустное впечатлѣніе производили эти поѣздки по фронту; только лишь артиллерія, кавалерія и казачьи части сохраняли воинскій порядокъ и кое-какую дисциплину.

Свѣтлымъ проблескомъ являлась самоотверженная, неутомимая работа медицинскаго персонала и передовыхъ отрядовъ Краснаго Креста. Поставленныя со дня революціи въ очень тяжелыя условія, подвергаясь подчасъ насмѣшкамъ и грубымъ выходкамъ со стороны санитаровъ, врачи и сестры покорно несли свой крестъ. Особенно меня поразилъ 15-ый передовой отрядъ Краснаго Креста, приданный 3-ей Гвардейской дивизіи. Милыя, симпатичныя сестры, многія изъ которыхъ продѣлали всю кампанію, начиная съ Карпатъ и украшенныя Георгіевскими медалями нѣсколькихъ степеней за перевязку раненыхъ подъ огнемъ, не теряли бодрости и вѣры въ то, что эти печальныя явленія на фронтѣ — временны. Онѣ, видавшія безсмертные подвиги Старой Императорской Арміи, надѣялись, что Армія выздоровѣетъ

и что эти, проявлявшіе сейчасъ столько малодушія, солдаты, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, снова станутъ грозными врагу.

3-имъ Кавказскимъ Корпусомъ, стоявшимъ южнѣе Каменецъ-Подольскаго, мы закончили свой объѣздъ. Старыя, покрытыя исторической славой, части этого Корпуса занимали позиціи по берегу рѣки Збручъ, и такъ была велика сила традиціи, что въ частяхъ этого Корпуса сохранился остатокъ прежняго духа и видъ людей призводилъ вполнѣ хорошее впечатлѣніе. Служба неслась ими исправно и даже нерѣдко развѣдчики ихъ ходили на другой берегъ посмотрѣть, что дѣлается у непріятеля.

По окончаніи объѣзда 3-го Кавказскаго Корпуса, я вернулся обратно въ Петроградъ, маіоръ же поѣхалъ на нѣсколько дней въ Штабъ 7-ой Арміи. Въ Петроградъ я пріѣхалъ въ дни Корниловскаго похода, когда его передовые разъѣзды маячили подъ Царскимъ Селомъ. Радостной надеждой забилось сердце. Казалось, что спасеніе близко, что этотъ желѣзный вождь возьметъ въ свои руки управленіе страной и возстановитъ законность, порядокъ и дисциплину въ Арміи. Надеждамъ не суждено было осуществиться. Тотъ же Керенскій, испугавшись, что ему можетъ грозить возмездіе за содѣянный имъ развалъ въ Государствѣ, поспѣшилъ объявить Корнилова измѣнникомъ. Походъ кончился неудачей и послѣдняя надежда рухнула.

Оставаться въ Петроградѣ я больше не хотѣлъ и рѣшилъ немедленно возвратиться въ полкъ, на фронтъ. Здоровье мое окончательно возстановилось да, кромѣ того, насколько было мнѣ извѣстно, въ дѣйствующемъ полку комитеты хотя и существовали, но въ распоря-

женія офицеровъ не вмѣшивались. Отношенія съ солдатами были по прежнему прекрасныя. Тарнопольскіе дни, въ которыхъ одни лишь Преображенцы и Семеновцы вели неравный бой, покрыли еще большимъ ореоломъ знамена этихъ любимыхъ дѣтищъ Великаго Петра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Вернувшись въ полкъ послѣ почти годового отсутствія, я нашелъ въ немъ большія перемѣны. Генералъ Дрентельнъ былъ уволенъ въ отставку еще въ первые дни революціи, какъ лицо близко стоявшее къ Особѣ Государя. Командовалъ полкомъ одинъ изъ самыхъ доблестныхъ нашихъ офицеровъ полковникъ А. П. Кутеповъ. Многихъ изъ прежнихъ моихъ товарищей я уже не засталъ въ рядахъ полка.

Сентябрьскіе бои 1916 года и послѣдніе бои подъ Тарнополемъ унесли въ преждевременную могилу: Холодовскаго (Юрія), Зубова 2-го, Мартынова (Дмитрія), Ратькова-Рожнова, Кондратенко, Денъ, Мещеринова С. Н. и Митрофанова. Другіе не захотѣли служить въ тѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ которыхъ протекала служба и предпочли, пользуясь состояніемъ своего здоровья, либо уѣхать въ заграничныя командировки, либо служить въ штабахъ. Роты были заполнены молодыми прапорщиками.

Кутеповъ, по моемъ пріѣздѣ, назначилъ меня начальникомъ команды конныхъ развѣдчиковъ и поручилъ наблюденіе за маршевымъ баталіономъ. Маршевый баталіонъ состоялъ изъ присланныхъ недавно на укомплектованіе полка 2-хъ маршевыхъ ротъ, прошедшихъ полный курсъ политической подготовки въ Петроградѣ и въ планы которыхъ входило немедленное заключеніе

сепаратнаго мира, конечно, безъ аннексій и контрибуцій. Въ первые дни моего пріѣзда въ полкъ особыхъ недочетовъ въ смыслѣ несенія службы я не замѣтилъ. Солдаты были хорошо одѣты, честь офицерамъ отдавали исправно, службу на позиціи несли, какъ по старому. Никакихъ братаній съ противникомъ не наблюдалось и полковые развѣдчики даже производили набѣги на расположеніе непріятеля, примѣромъ чего можетъ служить удачное нападеніе на Гржималувъ-Могилу подъ командой Бутовскаго. Боевыя части полка были расположены на территоріи Галиціи. Обозы и ввѣренная мнѣ команда — на Русской Землѣ. Комитеты въ полку функціонировали, но занимались почти исключительно хозяйствомъ. Нѣсколько наиболѣе словоохотливыхъ офицеровъ присутствовали на засѣданіяхъ полк. комитета и къ ихъ голосамъ солдаты прислушивались.

Первое недоразумѣніе у меня вышло по слѣдующему поводу. Принимая команду конныхъ развѣдчиковъ, я обратилъ вниманіе на очень плохую чистку и вообще на плохой уходъ за лошадьми. Обратясь къ солдатамъ, я имъ указалъ на всѣ недостатки и приказалъ принять мѣры къ неповторенію этого въ будущемъ. Не успѣлъ я по окончаніи моей краткой рѣчи покинуть плацъ, на которомъ все это происходило, какъ услыхалъ за собой голосъ одного изъ солдатъ: «Вишь, чего захотѣлъ. Это при старомъ режимѣ лошадей чистили, теперь не то время». Замѣчаніе было настолько нелѣпо, что я не могъ не улыбнуться, но все же оно мнѣ показало, что психологія солдатъ, даже такой хорошо сохранившейся части, уже не та, что прежде.

Съ маршевымъ баталіономъ у меня сразу начались непріятности. Тамъ комитеты царили во всю. Помню

хорошо одного изъ предсѣдателей. Звали его Петровъ. Солдатскую кокарду на папахѣ онъ давно замѣнилъ лоскуткомъ краснаго сукна и въ такомъ видѣ появлялся всюду. Въ присутствіи солдатъ онъ старался придать себѣ максимумъ значенія и важности, и поэтому, чтобы произвести больше эффекта во время разговора со мной, онъ повышалъ голосъ почти до крика. Я съ улыбкой его выслушивалъ, и это, повидимому, его еще больше раздражало. Однажды, не выдержавъ его крика, я ему сказалъ, что я не глухой и что если онъ желаетъ со мной разговаривать, то пусть сбавитъ голосъ. Солдаты, стоявшіе кругомъ, улыбались, слушая нашъ разговоръ и озадаченный Петровъ остался съ разинутымъ ртомъ, пока я медленно прошелъ черезъ толпу солдатъ и сѣлъ на мою «Венгерку», которую держалъ подъ уздцы вѣрный Копнинъ.

Октябрь и начало ноября прошли безъ особыхъ событій. Газетъ мы почти не получали и поэтому, свѣдѣнія о событіяхъ, происходящихъ въ Петроградѣ и Москвѣ, доходили къ намъ съ большимъ запозданіемъ. Небольшія занятія происходили ежедневно и жизнь протекала болѣе или менѣе нормально. Шла подготовка къ выборамъ въ Учредительное Собраніе и Петровъ принималъ въ этомъ самое горячее участіе, чему я былъ искренне радъ, такъ какъ это давало мнѣ возможность видѣть его все рѣже и рѣже.

Въ серединѣ ноября настроеніе сразу стало болѣе напряженнымъ. Въ одной изъ многочисленныхъ землянокъ резервныхъ частей работалъ подпольный военно-революціонный комитетъ большевистскаго направленія, во главѣ котораго стоялъ бывшій рабочій Путиловскаго завода — Фальковъ. Свѣдѣнія о происшедшемъ пере-

воротѣ, конечно, давно уже окольными путями, черезъ «вѣрныхъ» людей дошли до Фалькова. Съ каждымъ днемъ дѣятельность этого комитета становилась все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Солдаты какъ-то сразу распустились. Честь стали отдавать нехотя и не всегда. На офицеровъ стали коситься и установили за ними, согласно приказа того же комитета, неусыпный надзоръ.

Въ 20-хъ числахъ ноября я сидѣлъ у себя на фольваркѣ и читалъ книгу, какъ былъ встревоженъ сильнымъ стукомъ въ мою дверь. Открывъ дверь, я пропустилъ въ комнату недавно выбраннаго предсѣдателемъ ротнаго комитета 2-ой маршевой роты, громаднаго роста солдата, по фамиліи Сабининъ. Этотъ Сабининъ, по профессіи астраханскій крючникъ, какъ полагалось, до революціи отбылъ свой стажъ въ тюрьмѣ, не то за дезертирство, не то за убійство. Революція его освободила изъ тюрьмы и онъ сразу нашелъ широкое примѣненіе своимъ способностямъ. Ставъ въ крайне воинственную позу посреди комнаты и подпершись въ бокъ кулакомъ, онъ обратился ко мнѣ съ требованіемъ объ очищеніи для его комитета одной изъ лучшихъ хатъ въ деревнѣ, отведенной подъ лазаретъ. Закончилъ онъ свою тираду заявленіемъ, что онъ обращается ко мнѣ въ послѣдній разъ, такъ какъ скоро, весьма вѣроятно, ему не придется меня просить и что онъ самъ будетъ въ состояніи отдавать нужныя распоряженія. Не дожидая моего отвѣта, онъ съ тѣмъ же шумомъ вышелъ изъ моей комнаты. Признаюсь, посѣщеніе Сабинина меня озадачило. Дерзость его тона и манера говорить дали мнѣ понять, что случилось что-то, о чемъ въ штабѣ пока не были освѣдомлены.

Нѣсколько дней спустя, я узналъ о томъ, что полу-

ченъ приказъ за подписью новаго главнокомандующаго — Крыленко объ уничтоженіи чиновъ, орденовъ и о выборахъ команднаго состава. Приказъ этотъ долженъ былъ быть отпечатанъ на слѣдующій день и розданъ въ роты. Самое ужасное, оскорбительное и унизительное случилось. Людей, честно проливавшихъ свою кровь, въ теченіе свыше трехъ лѣтъ, въ защиту своей родной земли, увѣшанныхъ наградами за неисчислимые содѣянные имъ подвиги, лишали всего и ставили въ положеніе паріевъ, зависящихъ отъ милости солдатской толпы.

Приказъ Крыленко былъ только лишь заключительнымъ аккордомъ приказа № 1. Отнынѣ Русская Армія въ своемъ цѣломъ видѣ перестала существовать. Хотя за послѣдніе дни мы всѣ готовились къ какимъ-то чрезвычайнымъ событіямъ, но эта новость была слишкомъ тяжела, чтобы ее спокойно принять. Въ предвидѣніи худшаго, подъ предсѣдательствомъ командира полка, было сдѣлано тайкомъ отъ комитета нѣсколько собраній, на которыхъ присутствовали старшіе офицеры полка. На этихъ собраніяхъ были вынесены постановленія о полковомъ знамени, полковомъ имуществѣ и разработанъ подробный планъ дѣйствій офицеровъ. Вернувшись съ камнемъ на сердцѣ въ расположеніе моей команды, я понялъ, что надобно дѣйствовать и времени терять нечего. Первымъ дѣломъ я вызвалъ моего вѣстового Сычева, замѣнившаго прежняго Геймора и, обратившись къ нему, попросилъ его въ послѣдній разъ исполнить мою просьбу, добавивъ, что уже съ завтрашняго дня, я приказывать ему ничего не имѣю права. Просьба моя заключалась въ томъ, чтобы онъ сегодня же, взявъ мои вещи, отвезъ бы ихъ въ Петроградъ. Сычевъ былъ глубоко растроганъ всѣмъ происшедшимъ. На

глазахъ его появились слезы и мы безъ словъ пали въ объятья другъ другу.

Нѣсколько часовъ спустя, онъ уже находился на пути въ Петроградъ. Вечеромъ я приказалъ собрать всю команду. Съ маршевыми ротами у меня никакой связи не было; ни они меня, ни я ихъ не зналъ и не понималъ. Это были солдаты новой формаціи, и я рѣшилъ съ ними не говорить. Когда команда была въ сборѣ, я вошелъ въ середину ея, и сказалъ, приблизительно, слѣдующее: «Братцы, я вамъ больше не начальникъ. Съ завтрашняго дня, вамъ предоставлено право самимъ выбирать себѣ начальниковъ. За прежнюю вашу боевую службу низкій вамъ поклонъ». Глубокое молчаніе воцарилось послѣ моихъ словъ, прерванное затѣмъ дружнымъ: «Рады стараться». Черезъ сомкнутые ряды, разступившихся солдатъ я вышелъ изъ помѣщенія и направился къ своему дому. По лицамъ солдатъ я замѣтилъ, что они были взволнованы и опечалены. Большинство изъ нихъ были старые солдаты, видавшіе виды во время войны и искренне любившіе своихъ офицеровъ.

Утромъ, на слѣдующій день, я былъ вызванъ въ деревню Луе-Мале, гдѣ помѣщался обозъ второго разряда. Въ хатѣ, занимаемой полк. Кузьминымъ, собрались нѣсколько офицеровъ и въ томъ числѣ командующій полкомъ. Полковникъ Кутеповъ заявилъ собравшимся офицерамъ, что во избѣжаніе возможныхъ эксцессовъ, онъ приказываетъ офицерамъ до опубликованія приказа самимъ снять съ себя знаки отличія и погоны.

Планъ бѣжать при первой возможности и ѣхать на Донъ, куда звалъ офицеровъ престарѣлый генералъ Алексѣевъ, былъ рѣшенъ. Оставаться слѣдовало лишь нѣсколькимъ офицерамъ, выбраннымъ на командныя

должности, дабы они могли помочь своимъ товарищамъ уѣхать изъ полка. Когда я вернулся къ себѣ на фольваркъ, пришелъ старшiй по командѣ и сообщилъ мнѣ, что команда меня проситъ къ нимъ. Едва я вошелъ, старшiй скомандовалъ: «смирно»! и сообщилъ мнѣ постановленiе команды о томъ, что она единогласно проситъ меня остаться ея начальникомъ. Довѣрiе этихъ простыхъ, хорошихъ людей, которыхъ даже большевики не могли еще испортить, меня глубоко тронуло. Въ сердечныхъ выраженiяхъ, я ихъ поблагодарилъ за избранiе, но тутъ же добавилъ, что они должны прекрасно понимать, что въ такихъ условiяхъ, я все равно остаться не могу, что сейчасъ армiи нѣтъ, есть лишь громадная шайка людей, лишенная вождей и руководства и что начальникомъ я себя никакъ считать не могу. Эти событiя произошли 1 декабря 1917 года. Выборы команднаго состава были закончены въ одинъ день и очень много офицеровъ остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Командиръ полка былъ назначенъ писаремъ въ полковую канцелярiю, такъ какъ солдаты рѣшили, изъ уваженiя къ его ранамъ, что ему въ канцелярiи будетъ спокойнѣе. Новымъ командиромъ былъ выбранъ кап. Зыбинъ. Отличительнымъ знакомъ команднаго состава служили красные нарукавники, на которыхъ были бѣлыми буквами вышиты названiя должностей.

Почти сразу по полученiи этого знаменитаго приказа, пришелъ другой, въ которомъ предлагалось уволить въ запасъ армiи солдатъ старшихъ сроковъ службы, а также раненыхъ.

Нѣкоторые изъ офицеровъ, въ томъ числѣ Кутеповъ и я, получили, на основанiи приказа о частичной демобилизацiи бумажки за подписью Фалькова (уже офи-

ціальнаго предсѣдателя военно-революціоннаго комитета) о томъ, что мы уволены въ запасъ арміи.

14 декабря, поздно вечеромъ, простившись съ командной, въ сопровожденіи Копнина и 2 другихъ солдатъ, я мчался въ саняхъ на станц. Войтовицы, держа направленіе въ Полтавскую губернію, въ имѣніе моего хорошаго друга и пріятеля Н. М. Котляревскаго, надѣясь у него временно отдохнуть и выждать дальнѣйшихъ событій. Офицеры постепенно разъѣзжались, солдаты также и старый дѣйствующій полкъ фактически прекратилъ свое существованіе съ 1-го декабря. Полковое знамя и небольшіе офицерскіе кадры удалось спасти и всѣ надѣялись, что не далекъ день, когда снова всѣ соберутся подъ сѣнью своего родного знамени.

Въ Войтовцахъ я попалъ въ товарный поѣздъ и на 5-ый день добрался до станціи Хороль, Полтавской губерніи. Въ Коростенѣ, я простился съ Копнинымъ, который ѣхалъ къ себѣ въ Вятскую губернію, и послѣдняя видимая связь съ полкомъ была прервана. Копнинъ съ начала войны безотлучно находился со мной, очень часто въ бояхъ мы вмѣстѣ рисковали своей жизнью.

Обнявъ его на прощаніе, я ушелъ обратно къ себѣ въ вагонъ, когда услышалъ его возвращающимся. Онъ вторично обнялъ меня и голосомъ, прерываемымъ рыданіями, пожелалъ мнѣ всего лучшаго. Гдѣ онъ сейчасъ, этотъ славный, честный Андрей Копнинъ? Можетъ быть уже давно онъ спитъ въ сырой землѣ, сраженный тифомъ или голодомъ, или, можетъ быть, какъ большинство другихъ, служитъ въ рядахъ красной арміи, или же терпѣливо ожидаетъ восхода солнца надъ изстрадавшейся и измученной Родиной.

Списокъ г.г. офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, убитыхъ въ войну 1914—1917 гг.

1. Абаза, Алексѣй Алексѣевичъ, подп., 20 авг. 1914 г.
2. Арцимовичъ, Мих. Виктор., прапорщ., 7 іюля 1917 г.
3. Барановъ, Влад. Ник., полковн., 20 августа 1915 г.
4. Гр. Бобринскій, Алексѣй Алекс., прап., 3 сент. 1916 г.
5. Бюцовъ, Борисъ Евг., шт.-кап., 6 дек. 1914 г., умеръ отъ ранъ.
6. Бюцовъ, Сергѣй Евген., поруч., 17 іюля 1915 г.
7. Валуевъ, Мих. Павл., прапорщ., 9 ноября 1914 г.
8. Вансовичъ, Левъ Ник., поруч., умеръ отъ ранъ 25 августа 1914 г.
9. Гр. Веленольскій, Сигизмундъ Владисл., прапорщ., 15 іюля 1916 г.
10. Веревкинъ, Влад. Петр., поруч., 15 іюля 1916 г.
11. Вуичъ, Павелъ Ник., поруч., 20 авг. 1914 г.
12. Висковскій, Алексѣй Никол., шт.-кап., 7 іюля 1915 г.
13. Галлеръ, Вернеръ Мих., поруч., 11 ноября 1914 г.
14. Гессе I, Ник. Петров., подпор., 20 авг. 1914 г.
15. Гессе II, Илларіонъ Петров., прапорщ., 26 іюля 1915 г.
16. Дедюлинъ, Влад. Ник., подпор., 20 авг. 1915 г.
17. Денъ, Левъ Ник., подпор., 2 апрѣля 1917 г.
18. Ермоловъ I, Юрій Алекс., прапорщ., 11 февр. 1915 г.
19. Есимонтовскій, Пав. Вас., полковн., апрѣль 1916 г., умеръ отъ ранъ.
20. Зубовъ, Ник. Влад., поруч., 7 сент. 1916 г.
21. Зуевъ, Дмитрій Нилычъ, прапорщ., 19 авг. 1915 г.
22. Кистеръ, прапорщ., 18 сент. 1914 г., умеръ отъ ранъ.
23. Клюпфель, Алекс. Алекс., прапорщ., 15 іюля 1916 г.
24. Кондратенко, Андрей Роман., капит., 7 іюля 1917 г.
25. Крогерусъ, Густавъ, поруч., 3 сент. 1914 г.
26. Кубе, Вадимъ Алекс., октябрь 1915 г.
27. Гр. Литке, Конст. Ник., полк., убитъ 31 авг. 1915 г.

28. Лопухинъ, Рафаилъ Серг., прапорщ., умеръ отъ ранъ 20 іюля 1915 г.
29. Малевскій-Малевичъ, Андр. Ник., подпоруч., 3 сентября 1916 г.
30. Мартыновъ, Дм. Никол., поруч., 19 сент. 1916 г.
31. Меккъ, Атталъ Ник., подпор., 15 іюля 1916 г.
32. Мещериновъ III, Григ. Алекс., шт.-кап., 3 сент. 1916 г.
33. Мещериновъ II, Вяч. Алекс., подпоруч., февр. 1915 г.
34. Мещериновъ IV, Сергѣй Ник., шт.-кап., 7 іюля 1917 г.
35. Митрофановъ, Олегъ Павл., поруч., 7 іюля 1917 г
36. Павроцкій, Сергѣй Серг., прапорщ., 7 іюля 1917 г.
37. Нарышкинъ, Конст. Дм., поруч., 5 іюля 1914 г.
38. Ратьковъ-Рожновъ, Дм. Алекс., подпор., умеръ отъ ранъ 21 сентября 1916 г.
39. Бар. Сталь-фонъ-Гольштейнъ, Влад. Ник., подпор., 9 ноября 1914 г.
40. Холодовскій, Юрій Ив., капит., убитъ 7 сент. 1916 г.
41. Чернявскій, Алекс. Степан., шт.-кап., умеръ отъ ранъ 1914 г.
42. Элліотъ, Федоръ Федоровичъ, поруч., 20 авг. 1914 г.

Списокъ г.г. офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго Полка, убитыхъ въ гражданскую войну, 1918—1920 гг.

1. Бенуа, Алекс. Леонт., капитанъ, 24 сент. 1919 г.
2. Бутовскій, Дм. Алекс., капитанъ, іюль 1918 г.
3. Валуевъ, Влад. Алекс., капитанъ, 2 октября 1918 г.
4. Вансовичъ, Влад. Алекс., капитанъ, 1918 г.
5. Вестманъ, Мих. Ильичъ, капитанъ, 1919 г.
6. Воейковъ, Вас. Серг., шт.-кап., 1919 г.
7. Вуичъ, Вяч. Никол., капитанъ, 19 ноября 1919 г.
8. Ермоловъ II, Дм. Ник., капитанъ, 1919 г.
9. Заливскій, Ник. Адам., капитанъ, 11 марта 1919 г.
10. Зейме, Сергѣй Рудольф., капитанъ, 16 іюля 1918 г.
11. Кутеповъ, Серг. Павл., прапорщ., 1918 г.
12. Кисловскій, 28 февраля 1917 г.

13. Кузьминъ, Конст. Ив., полк., 22 марта 1918 г.
14. Левашевъ, Андрей Иванов., капитанъ, октябрь 1918 г.
15. Левшинъ, прапорщ., 1 апрѣля 1919 г.
16. Литовченко I, Юрій Дм., капитанъ, 19 ноября 1919 г.
17. Литовченко II, Дм. Дм., капитанъ, 69 ноября 1919 г.
18. Львовъ II, Алексѣй Ник., 2 октября 1918 г.
19. Нарышкинъ, Петръ, поруч., 1917 г.
20. Ратьковъ-Рожновъ I, Ник. Алекс., капитанъ, 22 іюля 1918 г.
21. Ратьковъ-Рожновъ II, Влад. Алекс., капитанъ, 9 февраля 1918 г.
22. Родзянко, Георг. Мих., капит., 26 января 1918 г.
23. Розеншильдъ - Паулинъ, Влад. Влад., капитанъ, 3 іюля 1919 г.
24. Гр. Татищевъ, Ник. Влад., капитанъ, 17 янв. 1918 г.
25. Томкѣевъ, Ив. Мих., капитанъ, 13 марта 1918 г.
26. Фе, Александръ Франц., капитанъ, 24 сент. 1919 г.
27. Хвощинскій, Аппол. Влад., полк., 19 ноября 1918 г.
28. Шоманскій, Бор. Ант., полк., умеръ отъ ранъ 1919 г.
29. Тилло, Ив. Павл., подпоруч., 30 октября 1920 г.

Списокъ Георгіевскихъ Кавалеровъ.

Фл.-адъют., полк., графъ Игнатьевъ, Ник. Ник., 20 августа 1914 г.
Полк. Козакевичъ, Евг. Мих., 20 августа 1914 г.
Подпоруч. Комаровъ, Иппол. Иппол., 23 августа 1914 г.
Поручикъ Кульневъ, Бор. Ильичъ, 3 сентября 1914 г.
Шт.-кап. Холодовскій, Юр. Ив., 5 іюля 1915 г.
Кап. Кутеповъ, Алекс. Павл., 27 іюля 1915 г.
Шт.-кап. Моллеръ, Мих. Ник., 27 іюля 1915 г.
Барановъ, Вл. Ник., 20 августа 1915 г.
Полк., гр. Литке, Конст. Ник., 20 августа 1915 г.
Подпор. Дедюлинъ, Влад. Ник., 20 августа 1915 г.
Шт.-кап., бар. Менгденъ, Алекс. Алекс., 3 сентября 1916 г.
Шт.-кап. Зубовъ, Ник. Влад., 3 сентября 1916 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Feilchenfeld's Buch-, Kunst- und Verlagsdruckerei
David Feilchenfeld Aktiengesellschaft
Berlin SW 19, Beuthstrasse 19.